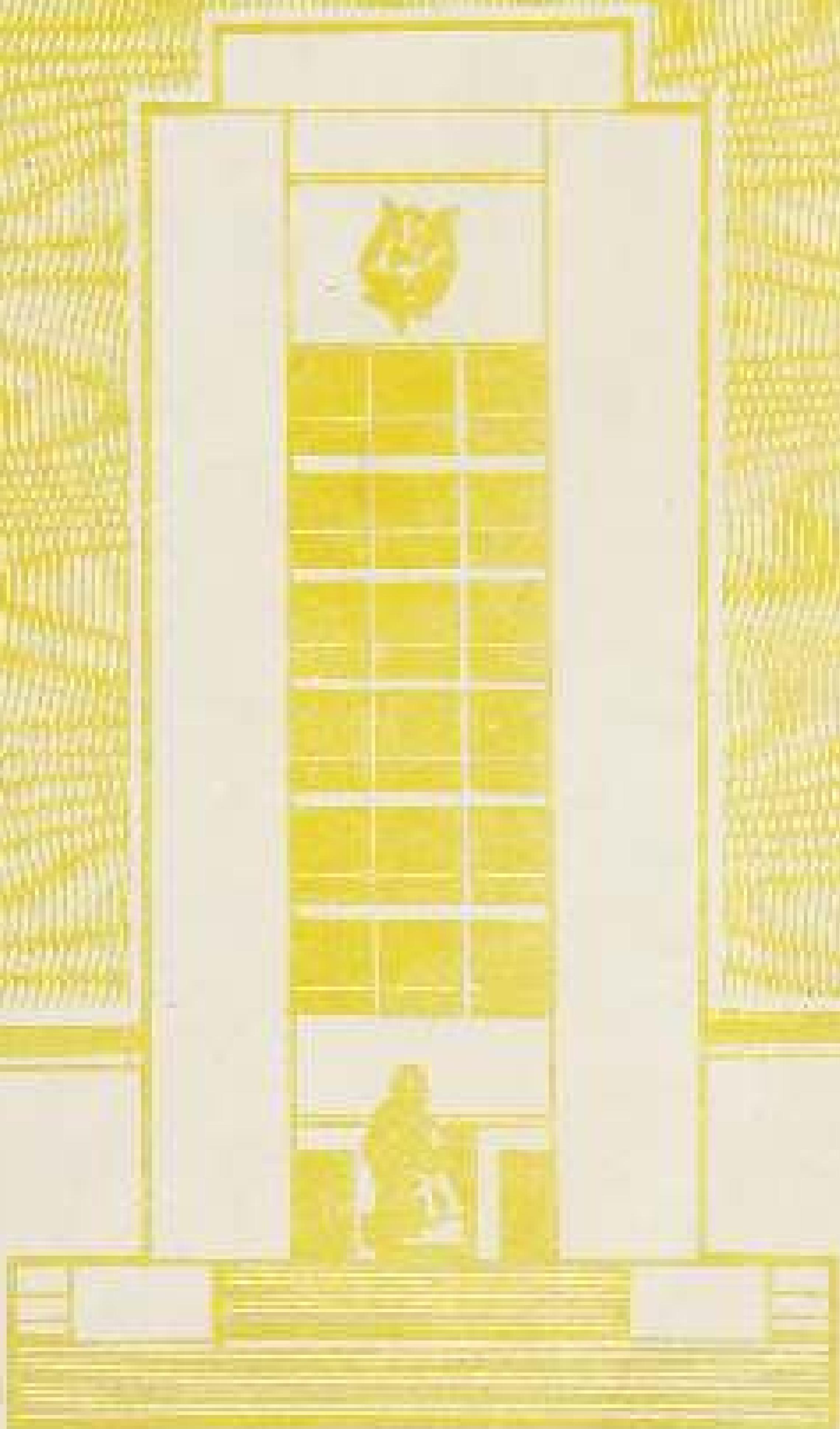

ISSN 0236—2910

ВЕСТНИК МОРАОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4
—
1992

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

4

1992

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Мордовский университет

Выходит один раз в квартал
Основан в январе 1990 г.

СОДЕРЖАНИЕ

АТТЕСТАЦИЯ МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	3
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ	
История и этнография	
Балашов В. А., Шигуррова Т. А. Традиционный женский костюм мордвы- мокши (По материалам Ижарского уезда Пензенской губернии)	7
Вавилин В. Ф. Особенности функционирования компонент этнической культуры сельского населения МССР	13
Алуюев В. Ф. Боевая деятельность паволжских засёров на территории Мордовии в годы первой российской революции	19
Грачева Е. З. Архивный документ «Краткое обозрение главнейших оборотов Нижегородской ярмарки по торговле с Азией» как источник по русско-азиатской торговле	23
Журналистика и филология	
Киричек П. Н. Мысль и слово (Опыт стилистического анализа)	27
Мишанин Ю. А. Литературный язык на страницах прессы (На примере периодической печати Мордовии 1920 — 1930-х гг.)	31
Потапов П. Ф. Пресса Мордовии и вопросы национально-государствен- ного устройства	35
Паелуева Л. А. Парадоксы очевидного (Несколько слов о характе- ристике факта в публицистике)	38
Шигурова В. В. К вопросу о сочетаемости отрицательной приставки не- с причастиями и от причастными прилагательными	41
Правоведение	
Родина С. В. Лизинг в автотранспортных отношениях	46
Самароков В. И. Некоторые вопросы оценки риска в уголовном праве	50
Никишин В. В. Этические основы концепции эколого-правовой ответственности	54
География	
Каверин А. В. Экологическое планирование использования земельных ресурсов Мордовии	57
ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ	
Меркушкина Л. Г., Куклин В. Н. Вектор судьбы (К 75-летию со дня рождения Григория Яковлевича Меркушкина)	63

Редакционная коллегия:
Главный редактор Н. П. Макаркин

**Атласов Н. И., Балашов В. А., Бусарова Р. Н. (ответственный секретарь),
Вантиюсов Ю. А., Воскресенский Е. В., Гридин А. Е., Доленко Д. В.,
Ивлев В. И., Конорев В. А., Лапшин С. А., Макушкин В. М., Ма-
лый А. Ф., Мишанин Ю. А. (заместитель главного редактора), Мок-
шин Н. Ф., Несторов С. А., Ревин В. В., Савкин Н. С., Селяев В. П.,
Сухарев А. И., Шицкин П. В., Цыганкин Д. В.**

Адрес редакции: 430000, Саранск, ул. Большевистская, 68.

Сдано в набор 12.11.92. Подписано в печать 18.12.92. Формат 70x100 1/16.
Бум. газетная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,48. Уч.-изд. л. 5,00. Усл. кр.-отт. 5,80.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 709.

Типография Издательства Мордовского университета,
430000, Саранск, ул. Советская, 24.

АТТЕСТАЦИЯ МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В соответствии с планом работы Государственной инспекции учебных заведений России и согласно ее приказу № 27 — 189 от 20.10.92 г. аттестационная комиссия под председательством Л. Н. Утиной в составе специалистов Тверского, Нижегородского, Чувашского, Казанского университетов, Московской государственной академии управления, Казанского медицинского института, Московского энергетического института, Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, Санкт-Петербургского ветеринарного института при участии главного специалиста Госинспекции по аттестации и аккредитации научно-исследовательских и учебных заведений Министерства здравоохранения Российской Федерации Т. А. Зуевой провела аттестацию Мордовского университета.

Комиссия изучила материалы самоанализа, представленные университетом, ознакомилась с содержанием и организацией учебного процесса, постановкой научно-методической работы, состоянием научных исследований, уровнем развития материально-технической базы вуза.

Члены комиссии посетили лекции, практические и лабораторные занятия, структурные подразделения университета, провели встречи с преподавателями и студентами. Были изучены актуальность и научная ценность дипломных работ, отзывы органов образования и здравоохранения, других организаций и учреждений о выпускниках университета. Проведены контрольные опросы и тестирование студентов на основе типовых контрольных заданий, осуществлена проверка владения практическими навыками студентами медицинского и сельскохозяйственного факультетов. Журнал «Вестник Мордовского университета» знакомит своих читателей с некоторыми выводами комиссии.

Структура специальностей университета. В составе университета 17 факультетов, 115 кафедр. Подготовка специалистов осуществляется по 34 специальностям, в том числе по 11 гуманитарным, 12 естественным, 11 инженерным. За 1989 — 1992 гг. в структуре подготовки специалистов произошли значительные изменения. Открыты новые специальности: прикладная математика, радиотехника, биотехнология, журналистика, охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, библиотековедение, культурно-просветительная работа и организация самодеятельного творчества. В 1990 г. организован факультет национальной культуры со специальностью «Библиотековедение» и специализациями «Народное хоровое пение» и «Национальная хореография» в рамках специальности «Культурно-просветительная работа и организация самодеятельного творчества». С 1992 г. начата подготовка по

финно-угроведению. Развитие структуры специальностей университета определяется потребностями региона, носит продуманный и обоснованный характер.

Контингент студентов составляет 15714 человек, из них 8871 обучается на дневном отделении, 755 — на вечернем, 6088 — на заочном.

Научно-педагогический потенциал университета в целом позволяет решать задачи подготовки кадров. На момент проведения аттестации здесь работают 1341 человек, из которых 59,9 % составляют преподаватели с учеными степенями и званиями. Наиболее высокий уровень осте-ленности на историческом (94,7 %), химическом (88 %), светотехническом (83,9 %), сельскохозяйственном (87 %), физическом (81,1 %), экономическом (70 %), филологическом (67,8 %) факультетах, самый низкий — на юридическом (49,6 %) и в Рузаевском филиале (53,4 %). Уровень осте-ленности колеблется от 100 % на кафедрах экспериментальной физики, ботаники и физиологии растений, биотехнологии, органической хими, журналистики до 11,9 % на кафедре иностранных языков. Комиссия отмечает незначительный приток докторов и кандидатов наук, доцентов.

Эксперты считают, что университету необходима более продуманная **кадровая политика**, предусматривающая систему мер по сокращению оттока кадров высшей квалификации и более эффективному использованию имеющихся возможностей для их подготовки в университете. В частности, следует более требовательно относиться к подбору кандидатов в докторантuru и аспирантуру, переводу в старшие научные сотрудники, а также обеспечить необходимые меры социальной защиты этой категории сотрудников. Решению данной проблемы способствовало бы также открытие новых специализированных советов.

Анализ деятельности ректората, факультетов, кафедр, других подразделений показал, что в последнее время в университете проводится значительная работа по демократизации управления, расширению само-стоятельности и ответственности подразделений, что в целом способствует созданию в вузе благоприятного морально-психологического кли-мата и повышению эффективности учебной, научной деятельности.

Сложившаяся структура и система управления обеспечивают нормальное функционирование подразделений университета. Экспертами высказан ряд предложений, основное содержание которых сводится к следующему:

— в целях более эффективного использования научно-педагогическо-го потенциала и улучшения экономического образования целесообразно объединить экономический факультет, факультет экономики сельского хозяйства и два факультета повышения квалификации специалистов в Институт экономики в составе университета;

— в интересах повышения эффективности работы ректората по управлению вузом, для обеспечения действенного контроля за выполнением принимаемых решений целесообразно уточнить его структуру и функциональные обязанности проректоров, в частности предусмотреть введение должности первого проректора, а также усилить руководство организацией учебного процесса на вечернем и заочном отделениях;

— в рамках подготовки целого ряда факультетов к переходу на мно-гоуровневую систему высшего образования возникает необходимость в концептуальном осмыслении содержания гуманитарного образования и определении форм функционирования кафедр, осуществляющих гуманитаризацию подготовки студентов.

Представленные университетом результаты самоанализа и заключение экспертов аттестационной комиссии показывают, что **содержание,**

технология обучения и уровень организации учебного процесса на факультетах и кафедрах в целом отвечают предъявляемым требованиям.

Эксперты были проведен выборочный анализ дипломных работ (проектов) по 14 специальностям. Его результаты вполне удовлетворительны. Все просмотренные работы по своему содержанию и оформлению (исключения носят единичный характер) соответствуют требуемому уровню. Темы дипломных работ (проектов) актуальны, отвечают современным направлениям науки и производства, многие связаны с решением региональных проблем. Часть работ выполняется по заказам предприятий и организаций и под руководством специалистов-практиков. В большинстве работ решаются задачи, возникшие при проведении фундаментальных и прикладных исследований по проблематике кафедр. Эксперты отмечают высокий процент работ с применением ВТ на факультетах электронной техники, математическом, химическом.

Результаты проведенных контрольных работ свидетельствуют о достаточно высоком уровне усвоения студентами программного материала по основным дисциплинам общенаучного, профессионального и специального циклов. Эксперты отмечена хорошая явка студентов на тестирование. При достаточно высокой сложности контрольных заданий только единицы студентов получили неудовлетворительные оценки.

В целом по специальностям средний балл колеблется: 3,2 — у физиков, 3,4 — у историков, 3,5 — у математиков и ветеринаров, 4,1 — у студентов специальности «Экономика и управление: менеджмент» и 4,4 — у студентов специальности «Бухгалтерский учет, контроль и анализ хозяйственной деятельности». По ряду специальностей результаты контрольного скрининга, проведенного экспертами аттестационной комиссии, оказались значительно выше итогов самоаттестации.

Организация научных исследований в Мордовском университете тесно связана с учебным процессом и направлена на приоритетное решение задач по укреплению его роли как ведущего научного центра республики и региона. Фундаментальные и поисковые исследования ведутся по 21 научному направлению, суммарный ежегодный объем НИР составляет около 20 млн. руб.

Университет имеет развитую научную инфраструктуру: 3 научно-исследовательских института (НИИ «Агрокомплекс», НИИ «Человек и свет», НИИ регионаологии), 15 временных научно-исследовательских подразделений, научно-исследовательский сектор с НПЦ экологических исследований и др.

В университете сформировались и успешно развиваются научные школы, которые по ряду направлений являются приоритетными в России: по языковым процессам финно-угорских народов — под руководством доктора филологических наук Д. В. Цыганкина; оценке эффективности производства и совершенствованию хозяйственного механизма — доктора экономических наук Н. П. Макаркина; химии стабильных свободных радикалов — доктора химических наук Б. С. Танасейчука; композиционным материалам и конструкциям — доктора технических наук В. П. Селяева; кормлению сельскохозяйственных животных и технологии кормов — докторов сельскохозяйственных наук С. А. Лапшина и В. А. Кокорева; анестезиологии, реаниматологии и интенсивному лечению в комбустриологии — доктора медицинских наук Н. И. Атясова; по социологии социальных систем — доктора философских наук А. И. Сухарева. Проводятся также исследования в области физики твердого тела, магнитных пленок, механики, электроники, строения и свойств катализаторов, материаловедения, физиологии растений и животных, строения

и проницаемости биологических мембран, теории дифференциальных уравнений, имеющие большую научную и народнохозяйственную значимость для Мордовии и России.

Оценивая научно-исследовательскую деятельность университета в целом положительно, комиссия в то же время отмечает ряд недостатков:

- число межнародных исследований крайне недостаточно;
- в университете не развернуты работы по компьютерному информационному обслуживанию, созданию информационных систем, баз данных;
- далеко не полностью используются возможности вычислительного центра и парка ПЭВМ для обеспечения учебного процесса, научных исследований.

В целях дальнейшего развития научных исследований в университете комиссия рекомендует ректорату:

- провести необходимую работу по открытию докторанттуры и образованию специализированных советов по важнейшим научным направлениям деятельности университета;
- добиваться в республиканских органах власти существенного увеличения финансирования за счет средств местного бюджета;
- совместно с руководством республики, академических и отраслевых организаций, новыми экономическими структурами города изучить вопрос создания на базе университета Международного научно-технического парка, основной задачей которого будет доведение до товарного вида и коммерческой реализации научно-технических разработок, выполненных учеными и специалистами вуза;
- разработать программу целенаправленного финансирования участия молодых ученых в фундаментальных исследованиях.

Мордовский университет располагает развитой инфраструктурой и имеет необходимую материально-техническую базу. По состоянию материальной базы он относится к числу вузов со средними показателями, а по отдельным параметрам — к ведущим. В настоящее время университет располагает 19 собственными учебными корпусами и 11 студенческими общежитиями. Общая площадь учебно-лабораторных зданий составляет 119 488 м², а в расчете на 1 студента дневной формы обучения — 12,5 м²; площадь общежитий — 52 437 м². На одного студента, проживающего в общежитии, приходится 5,9 м² жилой площади при норме 6 м².

Учитывая особенности сложившейся в республике структуры образования, аттестационная комиссия считает целесообразным передать университету ряд функций по управлению региональной системой высших и средних учебных заведений путем создания на ассоциативной основе учебного округа Мордовского университета с включением в его состав гимназий, лицеев, колледжей и институтов. Это позволит интегрировать потенциал университета и образовательных учреждений республики.

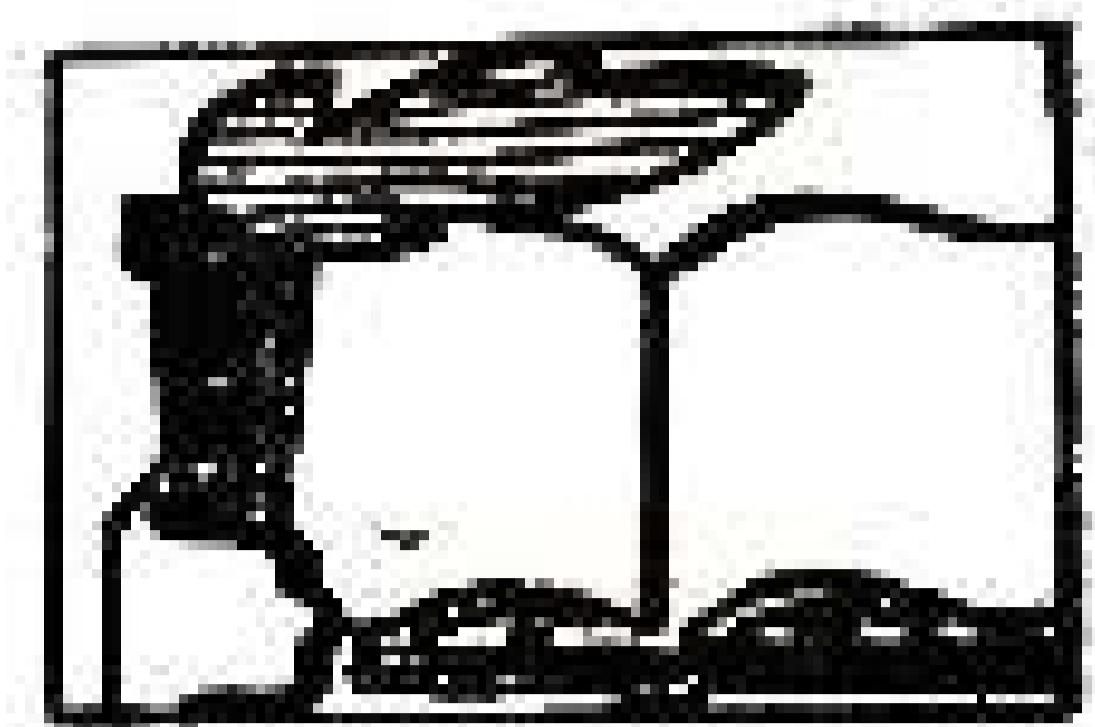
Комиссия считает, что уровень подготовки специалистов по всем специальностям в Мордовском государственном университете в основном отвечает требованиям, предъявляемым к университетскому образованию, и рекомендует Госинспекции по аттестации учебных заведений России **аттестовать имеющиеся специальности и в целом университет**.

Ученый совет университета, ознакомившись с выводами аттестационной комиссии, поручил ректорату в месячный срок разработать конкретные меры, направленные на устранение недостатков, вскрытых в ходе аттестации и самоанализа.

*****

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

История и этнография

ТРАДИЦИОННЫЙ ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ МОРДВЫ-МОКШИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНСАРСКОГО УЕЗДА ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В. А. БАЛАШОВ, доктор исторических наук,
Т. А. Шигурова, аспирантка

Национальная мордовская одежда является составной частью традиционной бытовой культуры, важнейшего компонента этноса. Она состоит из сложных напластований, возникших в разные периоды развития народа. В разнообразии типов и их вариантов традиционной одежды середины XIX в. отражена этническая специфика мордовского населения. Особенности национальной одежды мокши и эрзи — традиционный покрой, наличие своеобразных деталей и украшений, манера ношения отдельных элементов костюма, терминология — позволили ученым-этнографам выделить не только общность и различия между эрзянской и мокшанской народной одеждой, но и неповторимость, локальную самобытность отдельных комплексов костюма внутри этих двух больших групп.

В работах дореволюционных и современных этнографов достаточно полно освещены характерные черты мордовского национального костюма XIX — XX вв. [3, 4, 5, 8, 10, 11, 14]. Вместе с тем остаются недостаточно изученными вопросы, касающиеся детального описания локальных особенностей традиционной одежды мордвы, не полностью востребованы документы по данной теме, хранящиеся в Архиве Русского географического общества (АГО). Изученные нами материалы АГО позволяют восстановить комплекс женской одежды мордвы-мокши середины XIX в., относящийся к центральной части Инсарского уезда Пензенской губернии, который до сих пор

не был предметом специального исследования. Речь идет об одежде жителей сел Левжа, Сузгарье, Перхляй, ныне входящих в Рузаевский район МССР. В XIX в. она состояла из рубахи («панара»), короткой распашной одежды, головного убора (у девушек — «куйгор», у женщин — «сорока»), нагрудного («кыргавакс») и чересплечного («кавалалкс») украшения, застежки ворота («кирмиш») с прикрепленным к нему украшением («сие»), бус из серебряных или медных монет (от 2 до 6 ниток), набедренных украшений («боксюк» или «бок-руця», «кеньке-сюк»), портов («понкст»), онучей, связанных из шерстяной нити чулок, тканых полос («сергат»), лаптей и сапог.

Праздничная одежда отличалась от будничной тем, что она по возможности должна была быть новой и непременно сшитой из белого холста. В этот наряд входили две или более рубахи и полный набор украшений. Вышивка располагалась широкой полосой по вороту, вдоль рукавов, от ворота по плечам, по краю рукава, на подоле, продольными полосами по стану. Праздничные рубахи вышивались красной и зеленой шерстью, а будничные — красной и черной. Особенностью украшения подола были пришитые кисточки и бантики из шерстяных ниток, что характерно для населения Темниковского уезда Тамбовской губернии [16]. Кроме того, возле разреза рубах на подоле нашивали несколько крестиков из маленьких пуговиц наподобие звездочек. Ими же украшали вышивку подола. Эта деталь

встречается и на рубахах эрзянского населения Темниковского уезда Тамбовской губернии (их называют также шокша).

Женщины и девушки опоясывались поясами ниже живота, а сверх поясов богатые — пунцовыми стаметными (стамет — плотная гладкая шерстяная ткань полотняного переплетения, ныне не изготавливаемая) кушаками, а бедные — драпедамовыми. Таким образом, пояс, будучи скромной деталью одежды мокшанских женщин, уже являлся социальным знаком, признаком бедности или состоятельности, поскольку драпедам был одним из самых дешевых видов сукна и использовался лишь городской и деревенской беднотой.

Дорогие фабричные кушаки обычно в быту назывались стаметными. Заметим, что данное название нередко встречается в фольклоре при описании красивой девушки. Например: «В восемь полос руця вышита, стаметным кушаком подпоясана» [10].

Особая манера ношения мокшанскими женщинами рубахи — с большим напуском над поясом, передаваемая из поколения в поколение, является важным этнографическим признаком, подчеркивает близость мокшанского и марийского населения. В Сузгарье «выдергивали рубаху по самые колена, от того сзади ниже пояса составляется несколько сборов, и чем зад молодой женщины сбористее, тем она бывает красивее в глазах мордвы» [2, л. 2]. Н. И. Спрыгина отмечала подобную манеру ношения рубахи у мокши Краснослободского уезда (в селах Лесное Ардашево, Леснов Кичатово, Цибаево, Сияли), где женщины в 20-е гг. XX в. закладывали рубаху ровными складками, в торжественных случаях закрепляя их ниткой [16, с. 14].

Ворот рубахи скрывали украшением «кирмиш», которое, в отличие от распространенной у мокши треугольной сюлгамы, было в виде кольца. Кольцевые застежки («кирмыш») зафиксированы В. Н. Белицер в 50—60-х гг. XX в. в селах Старая Териэморга и Вертилим Старошайговского рай-

она МССР. К застежке прикрепляли украшение «сие» из бисера, хрустальных бус, цепочек. Такая комбинация украшений «кирмиш» и «сие» из села Сузгарье проиллюстрирована А. Гейхелем [18, Т. 38]. Исследование материалов АГО свидетельствует о том, что во второй половине XIX в. население указанных сел использовало чаще всего гранатный, темно-синий и зеленый бисер, а красный цвет, преобладавший в более ранних украшениях, к этому времени стал уже выходить из моды [2, л. 2].

Во второй половине XIX в. девушки и молодые женщины носили бусы из серебряных или медных монет, нанизанных вперемежку с черным, а иногда красным «хрусталем». В более ранний период использовали только красный бисер, причем самый крупный. Количество ниток в бусах было разным: у богатых — 5 — 6, у бедных — 2 — 3. Нитки связывали вместе, делая одну длиннее другой, чтобы они устилали всю грудь. В середине самой длинной из них прикрепляли медный крест, коньковую подвеску «гребенка», а некоторые девушки носили пучки волос близких родственников, отданных в рекруты. Тем самым бусы, выполняя основную функцию украшения, становились оберегом, а часто и знаком памяти о ком-либо.

Все женщины сел Левжа, Сузгарье носили ожерелье «кргавакс», сшитое из кумача на полотняной подкладке, украшенное крупным красным или черным бисером. К середине ожерелья пришивали несколько маленьких пуговиц, а некоторые девушки, кроме того, к нижнему краю крепили еще ряд небольших круглых дутых медных пуговиц.

Обращает на себя внимание и такая деталь одежды мокшанских женщин, как плечевая перевязь. Она имела форму восьмерки и шилась из широкой пеньковой тесьмы, украшенной ужковками, маленькими пуговицами, кистями из разноцветных нитей. В этнографической литературе отмечается широкое распространение у многих народов Поволжья схожего украше-

ния: «хаситэ» — у татар, «теветь» — у чувашей, «бутъмар» — у удмуртов и бесермян, «хаситэ» и «эмейзек» — у башкир, «аршаши», «кугу аршаш» — у марийцев [1, 6, 13, 14]. У мокши чересплечные украшения бытовали в южной части Инсарского уезда Пензенской губернии («кичкор») и в Нижегородской губернии («крескал»). Украшение было парное и состояло из медных цепочек, разноцветных бус, стекляруса и пуговиц: одно надевалось на левое плечо под правую руку, а второе — на правое плечо под левую руку. Чересплечное украшение «ожа нучка» известно у шокшинской эрзян в Темниковском уезде Тамбовской губернии, где, как известно, эрзя и мокша живут рядом [5, с. 126]. «Кавалак», который носили женщины и девушки в селах Сузгарье, Левжа, Перхляй Инсарского уезда Пензенской губернии, по своему внешнему виду, форме, используемому материалу, манере ношения повторяет украшение «ожа нучка», являясь, по существу, на спинным украшением, тесно связанным с обычаем носить обереги и амулеты [6, с. 319, 408].

В середине XIX в. возрастные и социальные отличия в народном костюме выражались отчетливо, что мы можем проследить на примере ношения не только своеобразных головных уборов, но и различного вида серег. «Пожилые женщины в ушах носят серьги, а молодые и девушки достаточные вместо серег носят серебряные дёныги в 20, 15, 10 и 5 копеек, бедные же — словянные, наподобие означенных, теньки, нанизывая их по 4 или 5 на несколько самых тонких проволок. К проволоке прикрепляли шнур, нанизанный разноцветными хрустальными, который надевали на ухо» [2, л. 17].

В будни пожилые женщины носили полотняные платки, а молодые — белые коленкоровые или бумажные, а также пунцовевые драпедамовые, завязывая их на два узла надо лбом, затыкая концы с боков и оставляя на виду шерстяные или бумажные кисти. «Если же которая женщина имеет на го-

лове короткие волосы, то она под платок надевает на голову волосник или в волосы вплетает коноплю и по сконь» [2, л. 11].

В праздники женщины надевали «сороку» с полукруглым верхом, напоминающую аналогичный головной убор эрзянок Заволжья. Для сохранения формы очелья в волосник нашивали 4 или 5 вершков холста. «Сороки» молодых и старых женщин, а также богатых и бедных различались украшением. Очелье, бока и «хвост» «сороки» женщины украшали вышивкой из собственноручно спряденных и выкрошенных шерстяных ниток. Верхнюю часть и края оторачивали кумачом. Вся «сорока», кроме передней стороны, шилась на подкладке. К «хвосту» пришивали кумач в 2 вершка шире самого «хвоста», «который обшивается крашенным с травами кружевом в выраженье перьев в хвосте птицы сороки» [2, л. 16]. Молодые женщины обшивали «хвосты» чередующимися полосами из узкого мишурного шнура и пунцовой шелковой ленты, а «для красоты на хвосте сороки делают из самых маленьких пуговиц по одному кресту, иные — на трех широких шитых шерстями полосах призывают по четыре таковых крестиков и между ними по три пуговки, впереди же широких полос на узкой полосе, вышитой шерстями, нашивают одни пуговки» [2, л. 14]. Крестами из пяти маленьких пуговиц молодые женщины украшали вышивку передней стороны «сороки».

«Сорока» надевалась на голову так, что весь лоб, а у молодых и немного волос оставались видными. Молодые женщины прикрывали волосы пришитой к волоснику «из бисера ма линового или вишневого цвета, средней величины и лучшей доброты сплетенной в вершок шириной решеткой, а вверху решетки нанизанными на нитке мелкими серебряными монетами в пять копеек, большей же частью древними алтынами или татарскими словянскими теньками» [2, л. 12]. Поверх «сороки» повязывали сложенное втрое белое полотенце, а богатые и недавно вышедшие замуж женщины — шелковый

с мишурными цветами гранатный или пунцовый платок. Некоторые и поверх платка повязывали белый узкий газ, обивая его бархатной или плисовой лентой. Только очень бедные женщины и старухи повязывали поверх сороки одно полотенце.

Девушки заплетали волосы в одну косу, украсив ее накосником, состоящим из медных пуговиц с изображением разных животных, нашитых на кожаный ремень. Некоторые девушки к концу ремня пришивали несколько коротких рядов ужовок, а поверх их несколько рядов медных выпуклых пуговок так, что ужовки оставались видными лишь по бокам. На продолжение шнурков с ужовками, продетых сквозь несколько колец медной проволоки, нанизывали чередующиеся белые и гранатные «хрустальные» бусы. «Потом эти шнурки, продевши сквозь другой медной согнутой тоже в несколько колец проволоки, разделяют каждый из них на две или на три нитки, на кои нанизывают средней величины красного, в середине зеленого, а на концах этих ниток по восемь зерен черного бисера. Эти нитки от проволоки в длину простираются на четверть аршина» [2, л. 17]. Ноили накосник таким образом: заплетенные волосы по спирали обматывали вокруг ремня так, что медные пуговицы закрывали всю косу.

Взрослые девушки в праздник вместо платка надевали высокий головной убор «куйгор» из бересковой коры «наподобие камилавка без верхнего кружка» [2, л. 17], который был распространён у мокши на территории Инсарского и Краснослободского уездов Пензенской губернии вплоть до начала XX в. В научно-этнографических источниках содержатся лишь краткие сведения о нём, фотографии М. Е. Евсеева фиксируют его бытование в XIX — XX вв.

Материалы АГО сохранили и донесли до наших дней подробное описание всех особенностей в украшении «куйгора», манеры его ношения, выражение социальных связей. В селах Сузтарье, Перхляй, Левжа «куйгор»

обшивали кумачом, на который нашивали вырезанную из зеленої китайки ленту, «круги из зеленої шелковой ленты с выпуклой пуговицей посередине, узкий белый газ, обвитый лентою. Некоторые девицы втыкают кудреватые селезневые перья на небольшом расстоянии. К самому концу пришивают небольшую бисерную сеточку... а сверху ее деньги или татарские теньки, кои облагаются медными цепочками» [2, л. 19]. К задней стороне головного убора пришивали полотнище из кумача с разрезом посередине. К углам на конце и к разрезу прикрепляли «на тонкой проволоке по одной медной монете величиной в 25 копеек серебра теньки, которые во время движения девицы производят небольшой звон» [2, л. 17].

Ноили «куйгор» с двумя шелковыми (розовым и пунцовыми или светло-гранатовым) платками и несколькими концами газа, обвитого пунцовыми шелковыми лентами. Интересна манера ношения головного убора, в которой выражены локальные особенности: один из платков повязывали таким образом, что длинный конец был обращен к спине девушки, а другой платок, сложенный вдоль в несколько раз, повязывали концами вперед. По нижнему краю закрепляли узкий белый газ, обвитый лентой и обшитый по обеим сторонам мишурным плоским шнуром. Ноили «куйгор» только просватанные состоятельные невесты по праздникам, в них венчались. Кроме вышеизложенных головных уборов некоторые богатые девушки и молодые женщины расстилали на плечи шелковый пунцовый или светло-гранатовый с мишурными цветами платок, сложенный на угол.

К поясу на боках мокшанские девушки и женщины прикрепляли парное украшение «бок-сюк» или «тенька-сюк» из шерстяного пояса, проволоки, медных пуговиц, раковин-каури, красных шерстяных нитей. «Бок-сюк» больше всего напоминает украшение «каркс-цект», которое ноили женщины Темниковского уезда Тамбовской губернии. Материалы АГО свидетель-

ствуют, что в старину носили «боксюк», совершенно отличный от описанного: из полотна, вышитого крупным вишневым бисером и обшитого по краям толстым шерстяным красным шнуром.

Поясные украшения «бок-руця», сшитые из полотна, коленкора или миткаля, носили лишь замужние женщины по 3 — 4 года после свадьбы. Лучшее «бок-руця» по краю имело широкую полосу кумача с подкладкой из холста, на котором в трех местах нашивались полоски желтого газа, перевитые узкими пунцовыми лентами, мишурный плоский шнур, широкая шелковая зеленая лента и бахрома с фольговым узором, под которую пришивали широкую пунцовую шелковую ленту. Дешевые «бок-руця» шились из полотна и вместо украшений из дорогих фабричных тканей вышивались ширстяной или бумажной нитью. Поясные украшения «бок-руця» и «боксюк» имеют аналогии среди украшений других народов Поволжья: «къмда», «клапкауште», «лук-уште» — у марийцев, «сара» — у чувашей.

Поверх рубахи женщины, некоторые девушки, а также мужчины вышеуказанных сел Инсарского уезда носили короткую распашную одежду из холста, подобную «кмушкасу» старошайговской мокши, наименование которой остается пока неизвестным. Причем среди мужчин «халаты» носят большей частью старики, редко — мужчины средних лет, а молодые — никогда» [2, л. 17]. В исследуемый период этот элемент народного костюма украшали полосами из кумача по подолу, концам рукавов, пройме. В конце XIX в. молодые девушки вместо распашной одежды стали носить «хреха» — «белые полотняные нарукавники, которые есть не что иное, как фартук с рукавами» [2, л. 9]. Украшали его полосками кумача, узким кружевом, мишурным шнуром, маленькими медными пуговками. Интересна манера ношения этой детали одежды: «фартук у них шьется до половины горлени, но девица, надевши его на себя, по обеим сторонам его в половине

немного затыкает его за пояс, и тогда он поднимается до самых колен» [2, л. 9]. Подобную одежду носили русские девушки Краснослободского, Саранского уездов Пензенской губернии, но шили ее из фабричного материала [9, л. 2, 14].

Специфика национальных эстетических норм в украшении мокшанского фартука в XIX в. проявлялась довольно отчетливо. Девушки оторачивали кумачом белую полотняную оборку на рукавах, горловину, «коло плеч к рукавам пришивают одним краем в вершок шириной тоже кумач и на него узкий, плоский, из нескольких тонких ниток мишурный шнур, к другому же краю кумача — узкое кружево, вышитое из толстых красных и белых ниток» [2, л. 9]. Впереди кумач нашивали на место соединения рукавов с фартуком, причем тоже использовали мишурный шнур, а к кумачу пришивали волан из пунцовой шелковой ленты. На подоле фартука повторялось несколько раз подобное украшение по кумачу. Лишь по нижней полосе нашивался ряд маленьких медных пуговок, а к самому подолу пришивали узкую шелковую пунцовую ленту.

Повсеместно мордовские женщины и девушки украшали руки браслетами и кольцами. В селе Сузгарье этот обычай имел глубокий социальный смысл. Кольцо, по мнению местных жителей, способствовало приобретению спутника жизни. Именно поэтому на второй день свадьбы сваха бросала детям кольцо как дар от невесты, которая уже достигла цели, «чтобы, обручившись с одним женихом, прожить с ним до глубокой старости» [2, л. 10].

Наличие в женском мокшанском народном костюме обязательной поясной одежды «понкт» подчеркивает принципиальное различие между мокшанским и эрзянским комплексами. Если эрзянские женщины, подобно некоторым другим финноязычным народам, проживающим севернее (карелам, коми, коми-пермякам, эстонцам, финнам), никогда их не имели, то у марийцев, южных удмуртов, бесер-

мян, мокши женщины носили их одновременно как нижнюю и верхнюю одежду, что подтверждает глубокую историческую общность мокши, марийцев с тюркоязычными народами Поволжья: чувашами, татарами, башкирами. «Порты составляют необходимую принадлежность женского пальто... Часто в летнее время порты спускаются из-под рубахи, достигая своими красными краемками щиколотки» [2, л. 12]. На снимках М. Е. Есевьева мы можем видеть молодых женщин в присутствии мужчин из своей семьи, девочек-подружек, которые несколько не стеснялись ходить со спущенными до щиколотки штанами.

В осеннее и зимнее время поверх рубахи мордва носили зипун или дубленый полушубок, особенности украшения которого заключались в как можно большем количестве сборок сзади и узкой полосе плиса, нашитой вокруг подола.

По материалам письменных источников АГО невозможно выявить каких-либо особенностей обуви населения исследуемой местности. В будни женщины и девушки носили лапти с полотняными онучами, а зимой — сапоги с суконными онучами. Выше голенища надевали чулки «цюлкат», вязанные полосами из белой и черной шерсти, или «сергат», тканые из красной и зеленой шерсти, шириной не более 3 вершков. Этот элемент одежды носили в 20-е гг. женщины Темниковского района, а в Старошайговском — даже до 40-х гг.

Анализ архивных материалов позволил нам выявить оригинальный локальный комплекс традиционного женского костюма мокшанского населения, проживавшего в середине XIX в. в селах Левжа, Сузгарье, Перхляй. Поскольку в настоящее время нет достаточных данных, позволяющих определить особенности национального костюма северной части Инсарского уезда Пензенской губернии, остается невыясненным, насколько широко был распространен сузгарский тип одежды. Однако отмечена явная тенденция к его распространению на северо-

запад. Именно в направлении к Старому Шайгову и к Темникову встречаются совпадения в терминологии («сорока», «куйгор», «кирмиш», «бок-сюк» и др.), материале, конструкции, орнаментально-композиционной отделке элементов («кавалакс» в Сузгарье и «ожа-нучка» у шокшинской зреи Темниковского уезда), нашивании пуговиц в виде креста на подоле рубахи, пришивании кисточек из шерсти к подолу рубахи, в эстетической выразительности манеры ношения рубахи со складками сзади и многое другое.

Это объясняется сведениями по истории заселения данной территории, поскольку еще до XVI в. здесь находились владения преимущественно мордовы-мокши Темниковского уезда [2, л. 5]. Со второй половины XVI столетия в связи с созданием засечных черт начинается продвижение мордовы из районов, прилегающих к Темникову, Арзамасу, Алатырю, в места своих старинных земель и бортных «ухожаев». Например, часть мордовы деревни Конаковой из-под Темникова вначале переселилась несколько южнее современного села Пензятки, а затем «перешла южнее, т. е. на речку Перхляй» [7, с. 33]. Затем в Перхляй подселились несколько человек из мордовской деревни Коровяковой, стоявшей в районе современного с. Говорова Старошайговского района. Причем И. Д. Воронин отмечал в топонимике сохранение зрянских названий. Сходство сузгарского национального костюма с зрянским выражалось в преобладании темно-красного, вишневого колорита украшений из бисера, вышивки, овальной форме женского головного убора «сороки».

Именно по линии Рузаевка — Старое Шайгово — Краснослободск наблюдается значительная близость населения, выраженная единым говором центрального диалекта мокшанского языка. Лингвисты отмечают фонетические особенности, присущие населению исследуемой территории.

Таким образом, как показывают исследования, среди мокшанского населения сел Левжа, Сузгарье, Перхляй

Инсарского уезда Пензенской губернии прослеживаются особенности в таких важных этнических определителях, как традиционная одежда и язык [17]. В середине XIX в. в связи с распространением фабрично-заводских изде-

лий мокшанская национальная одежда, проявляя тенденцию к изменчивости, дальнейшему развитию, продолжала сохранять свое локальное своеобразие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Т. Декоративно-прикладное искусство башкир // УНИЯЛ АН СССР. Уфа, 1964. 458 с.
2. АГО, разр. 53, оп. 1, д. 48.
3. Балашов В. А. Бытовая культура мордвы: Традиции и современность. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. 253 с.
4. Балашов В. А. Традиционная одежда мордвы-мокши Зубово-Полянского района и изменения, произошедшие в ней за годы Советской власти // Труды МНИИЛИЭ. Саранск, 1968. Вып. 34. С. 208 — 226.
5. Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973. 215 с.
6. Воробьев Н. И. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930. 32 с.
7. Воронин И. Д. Саранск: Историко-документальные очерки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. 268 с.
8. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежды, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей. Ч. 1. СПб., 1776. 76 с.
9. ГМЭ [Архив В. Тенишева], д. 1897, оп. 1.
10. Евсеев М. Е. Избранные труды: 9
- 5 т. Т. 2. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. 351 с.
11. Ежова В. П. Этнографическая характеристика одежды мордовского населения Тенгушевского района МАССР // Учен. зап. Мордов. пед. ин-та. Саранск, 1956. Вып. 4. С. 135 — 154.
12. Лепехин И. И. Дневные записи путешествия по разным провинциям Российской государства в 1768 — 1769 годы. Ч. 1. СПб., 1771. 538 с.
13. Марийские украшения. Каталог. Л., 1985. 103 с.
14. Никитин Г. А.; Крюкова Т. А. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 166 с.
15. Паплас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1809. 571 с.
16. Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши. Пенза, 1928. Вып. 3, 47 с.
17. Феоктистов А. П. Диалекты мордовских языков // Мордовский словарь Х. Пасонена. I: A—S. Suomalais-Ugrilaisen seura. Helsinki, 1990. S. XII — XXIX.
18. Heikel A. O. Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors, 1899. XXVII S.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОМПОНЕНТ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МССР

В. Ф. ВАВИЛИН, кандидат исторических наук

Современные этнокультурные процессы в значительной мере детерминированы региональными особенностями этносоциальных контактов и межэтнических взаимодействий. Видимо, нет необходимости специально обосновывать, насколько существенно их воздействие на этническую культуру. Однако выяснение условий ее функционирования требует значительных исследовательских усилий.

В какой мере на тех или иных ком-

понентах культуры сказываются различия в социально-классовой, профессиональной, демографической структуре этносов? Какое место в общей системе этноса занимают эти компоненты и каковы тенденции их развития? Как преломляются они в новой политической системе, социально-экономической и культурной политике?

Развитие теории, методологии исследования этноса и его культуры в работах С. А. Арутюнова, Ю. В. Ару-

тюняна, Ю. В. Бромлея, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижевой, В. И. Козлова, Э. С. Маркаряна, В. В. Пименова [1 — 4, 7 — 10, 12] позволяет наметить конкретные пути для решения поставленных вопросов. Показательны результаты социологических и статистико-этнографических исследований, осуществленных под руководством Ю. В. Арутюняна в Татарии [2] и В. В. Пименова в Удмуртии, Мордовии и Чувашии [12 — 15]. Направленные на изучение этносоциальных процессов, эти исследования содержат анализ разных сторон этнической культуры народов, населяющих указанные регионы, роли различных факторов в их функционировании.

Литература, посвященная проблеме современного функционирования этнической культуры, включает не один десяток названий. Однозначно не все методологические основы таких исследований определены, что может оказать неблагоприятное влияние на дальнейшую работу в этом направлении. Параметры социальных микро-, мезо- и макросред межэтнических взаимодействий в различных регионах и у разных этносов развиты в разной мере, что создает неодинаковые условия для функционирования этнической культуры. Однако этот важный аспект пока недостаточно изучен.

Рассмотрим материалы массового статистико-этнографического обследования сельского населения, проведенного Мордовским НИИ языка, литературы, истории и экономики и Мордовским университетом в 1985 — 1986 гг. под нашим руководством. С помощью случайной выборки и статистических процедур в 45 населенных пунктах Мордовии (12 мокшанских, 8 эрзянских, 21 русском и 4 татарских) было опрошено 2 тыс. респондентов, в том числе 672 представителя мокши, 528 эрзи, 600 русских и 200 татар-мишарей. Стандартизированное интервьюирование респондентов проводилось с помощью анкеты «Этносоциальные характеристики современного сельского расселения Мордовской АССР» [5], представляющей собой модификацию

«Мордовского этнографического вопросника» [11]. Полученная информация обрабатывалась на ЭВМ ЕС-1052 ИВЦ Мордовского университета: вычислялись условные и безусловные статистические распределения, коэффициенты парной и множественной корреляции этнокультурных переменных Чупрова и Линдберга, а также другие количественные показатели, которые в совокупности позволяют провести сравнительный причинно-следственный анализ условий функционирования компонент этнической культуры.

Языковая компонента (*language component, L*) включает следующие языковые показатели: родной язык респондентов, язык детства, степень знания языков этнических партнеров, язык, используемый респондентом дома, на работе, в сфере общения и др. Она подразделяется на три субкомпоненты, раскрывающие: 1) языковую компетентность респондентов в области русского, национальных языков и языков этнических партнеров; 2) языковые ориентации; 3) языковое поведение респондентов в различных сферах общения. (Под компонентой (субкомпонентой) этнической культуры понимается ее существенная структурная составляющая, характеризующая качественную системную определенность этноса.)

Компонента материальной культуры (*compriment of material culture, Mc*) включает переменные, фиксирующие наличие традиционной и современной утвари, традиционной народной одежды, частоту приготовления национальных блюд и др. Она подразделяется на три субкомпоненты, раскрывающие: 1) уровень знания и применения традиционной одежды; 2) степень знания и частоту употребления национальных блюд; 3) характер функционирования традиционных и современных форм материально-вещной среды.

Обрядовая компонента (*ceremonial component, C*) раскрывает уровень знания и распространение традиционных свадебных и родинных обрядов.

Фольклорная компонента (*folk*

сопропелт, F) состоит из этнокультурных характеристик, раскрывающих степень знания и распространенность народных песен, сказок, преданий и легенд о национальных героях.

Компонента профессиональной культуры (compronet of professional culture, P_c) подразделяется на две компоненты: первая раскрывает обусловленность выбора респондентами круга чтения художественной литературы и прессы; вторая — их предпочтения в области профессиональной музыки.

Этнопсихологическая компонента (ethnopsicological compronet, E_P) включает следующие показатели: ощущение респондентами связи с этносом, этническую окрашенность подарков, интерес к истории и культуре своего народа, знание национальных героев, межэтнические установки относительно совместной работы на производстве лиц различных национальностей, а также дружеских отношений, межнациональной брачности и др. E_P-компоненты подразделяются на две субкомпоненты: одна раскрывает интенсивность внутриэтнических связей респондентов, другая — выбор установок относительно межнационального общения.

Анализ причинно-следственного механизма функционирования компонент этнической культуры на уровне ориентированных графов свидетельствует о том, что их развитие зависит от многих факторов. (Под фактором понимается тот или иной типологический параметр, существенно влияющий на функционирование этнической культуры.) Детерминантами являются демосоциальные характеристики, факторы социальных микросред межэтнического общения и параметры социально-поселенческой среды межэтнических взаимодействий.

Демосоциальные характеристики (demosocial characteristics, DS-факторы) включают следующие переменные: численность, плотность, этнический и возрастной состав мокшанского, эрзянского, русского и татарского населения, распределение по полу, уров-

ню образования, социально-классовой принадлежности и социально-профессиональному составу, сферам приложения труда, величине, поколенному составу семей, уровню религиозности и др.

Факторы социальных микросред межэтнического общения (social envelope, SE-факторы) включают: этнический состав семей и первичных трудовых коллективов, национальность близких друзей и адресатов по переписке, сферу и частоту межэтнических контактов.

Параметры социально-поселенческой среды межэтнических взаимодействий (social village environment, SV-факторы) охватывают количество, плотность и функциональные типы поселений этнических групп; наличие там культурно-бытовых учреждений; удаленность поселений от районных центров; статус этих центров; тип, форму и этногеографическую структуру ареалов расселения.

Развитость DS-, SE-, SV-факторов у мокшанского, эрзянского, русского и татарского населения неодинакова. Наиболее ощутимы различия в SV-факторах — количестве, плотности, густоте поселений этнических групп, в формах и этногеографической структуре расселения. Среди DS-факторов заметно различие в численности, плотности, составе контактирующих этнических групп и степени их религиозности. Из SE-факторов весьма ощутимы различия в этническом составе первичных производственных коллективов, сферах и частоте межэтнических контактов. Эти различия создают неодинаковые условия для функционирования компонент этнической культуры [6].

Анализ показывает, что на развитие этнической культуры значительное воздействие оказывают DS-факторы. Национальный состав населения влияет на функционирование всех этнокультурных компонент, но особенно сильно его воздействие на языковое поведение и языковые ориентации этнических групп, а также степень знания языков партнеров по общению.

Численность и плотность населения ощутимо влияют на этноязыковые переменные и фольклорный слой духовной культуры. Различия в половозрастной структуре сказываются на функционировании традиционной материальной культуры и семейно-бытовой обрядности. Уровень образования этнических групп создает специфические условия для функционирования профессиональной и духовной культуры, семейной обрядности, влияет на целый ряд этнопсихологических характеристик. Сфера приложения труда, социально-профессиональный состав и уровень религиозности воздействуют на семейно-бытовую обрядность и традиционную материальную культуру.

Одни этнические группы более, другие менее вовлечены в процесс межэтнического общения, поэтому интенсивность, частота и степень интимности контактов оказывают заметное, но не одинаковое влияние на функционирование этнической культуры. Наиболее значимы межэтнические контакты в малых группах, что заметно сказывается на языковой компетентности, речевом поведении и языковых ориентациях. При этом наибольшей значимостью обладает этнический состав семьи, а наименьшей — национальный состав соседей.

Социально-поселенческая среда межэтнических взаимодействий — не только специфическая форма социализации этнических групп сельского населения Мордовии, но и важный фактор, тесно связанный с этнокультурными процессами. Связь эта носит двойственный характер. Во-первых, каждое поселение выступает как средство этносоциальной дифференциации населения, осуществляющейся на базе социально-экономических различий в условиях этнокультурных процессов в поселениях разного типа и достаточно жесткого закрепления населения. Во-вторых, система взаимосвязанных поселений, будучи сферой этих процессов и непосредственной средой межэтнических взаимодействий, оказывает неодинаковое влияние на функциониро-

вание компонент этнической культуры. Тип, форма и этногеографическая структура сельского расселения обуславливают функционирование L-компонент этнических групп. Так, они не создают благоприятных условий для межэтнических контактов мокшанского и эзянского сельского населения. Данное обстоятельство, препятствуя внутриэтнической консолидации, способствует межэтнической интеграции субэтнических групп мордвы с окружающим русским населением.

Рассматриваемые компоненты культуры сельского населения Мордовии несут определенную этническую нагрузку. Главной характеристикой выступает языковая (L) компонента. Испытывая на себе существенное воздействие DБ-факторов, она и сама весьма значительно влияет на функционирование других этнокультурных компонент.

Второе место по значимости занимает Рс-компонент — важнейшая составляющая формирования и воспроизведения этнических черт. Если на ранних этапах становления профессиональные формы этнической культуры были органически связаны с традиционным народным творчеством, то в современных условиях они функционируют на основе профессионального искусства, выполняя важнейшую задачу рекультивации фольклорной составляющей национальной культуры.

На третьем месте находится ЕР-компонент, раскрывающая степень консолидации этнических групп, ориентированных как на внутриэтническую, так и на межэтническую интеграцию. Большую роль в формировании этнического самосознания играет информированность этнических групп о своем историко-культурном прошлом. Если раньше такие представления формировались на основе народного устно-поэтического творчества, то теперь они должны базироваться на средствах массовой информации.

Четвертое место в этнической культуре занимает Mc-компонент. И хотя тенденция к региональной культурной однородности весьма явственно выражена

жена у всех этнических групп, прослеживается и стремление к росту национального разнообразия их культуры. Доля традиционных форм культуры исторически снижалась и продолжает сокращаться, тем не менее отдельные стороны Мс-компоненты (поселения, комплексы жилища, одежда, пища) продолжают играть важную роль в этнической культуре.

С-компонента занимает пятое место в системе культуры этнических групп. Отличаясь большей сохранностью традиционных элементов, она представляет достаточно прочную «аткень» этнического своеобразия в культуре.

Г-компонента объединяет небольшой набор слабо связанных этнокультурных характеристик и является не значительным средством идентификации с этнической средой. По-видимому, в ближайшем будущем существенно снизится уровень знания таких традиционных форм фольклора, как предания и легенды, останется на прежнем уровне знание народных сказок и песен.

Современное функционирование этнической культуры затрагивает разные области этносоциального развития сельского населения Мордовии. Одна из них охватывает изменения языковой компетентности, языкового поведения и языковых ориентаций мордвы (мокши и эрзи), русских и татар; другая — изменения их одежды, пищи, утвари, поселений, жилищ и таких компонент этнической культуры, как фольклор, искусство, обряды, обычай и привычки. Третья область связана с этнодемографическими процессами, миграциями населения, в результате которых заметно меняется комплекс статистико-этнографических показателей (половозрастной состав, количественное соотношение, плотность и компактность этнических групп, этногеографическая структура расселения и др.), что в значительной степени сказывается на этнической ситуации в регионе. И, наконец, четвертая область характеризуется сменой этнического самосознания, формировани-

ем соответствующих этнопсихологических стереотипов, этнокультурных ориентаций и установок.

Этноязыковые процессы у мордвы, русских и татар, особенности функционирования материальной культуры и семейной обрядности, духовной культуры фольклорного слоя и национальной профессиональной культуры — свидетельство достаточно плавного и постепенного ослабления внутриэтнических связей. При общем снижении приверженности к этническим ценностям менее всего ослабевает интерес к национальному языку, важнейшему этническому интегратору. Значение других этноидентифицирующих признаков меняется в зависимости от демосоциальных характеристик этнических групп, факторов социальных микросред межэтнических контактов и параметров социально-поселенческой среды межнациональных взаимодействий.

В результате интенсивных этнокультурных процессов в сельской местности Мордовии сформировались общие типологические черты в культуре мокши и эрзи, русских и татар, придающие ей специфический региональный колорит. В настоящее время межэтнические контакты во всех областях культурно-бытового взаимодействия имеют весьма благоприятную этнопсихологическую основу.

Условия функционирования анализируемых компонент этнической культуры мордвы, русских и татар в сельской местности республики почти одинаковы. Благодаря этому обстоятельству межнациональные отношения в сельской местности Мордовии весьма гармоничные: 85,6 % мордвы, 84,3 % русских и 75,5 % татар считают, что национальность не имеет значения для совместной работы на производстве; 84,2 % мордвы, 81,3 % русских и 67 % татар доброжелательно относятся к межнациональным бракам. Препятствием к межэтнической интеграции выступает конфессиональная принадлежность сельского населения. Например, более 13 % мордвы считают различия в религии сдерживающим фактором

при заключении национально-смешанных браков.

Различия в условиях функционирования компонент этнической культуры определяются разницей в демосоциальных характеристиках этнических групп, факtsрах социальных микросред и социально-территориальных параметрах межнациональных взаимодействий. Данное обстоятельство требует разработки и практической реализации конкретных мероприятий и управленческих решений. Целесообразно пересмотреть национально-территориальную структуру хозяйств, сельских Советов и административных районов, сделать ее более гибкой, учитывая жизненные интересы населения каждого национально-территориального образования. Этому должна предшествовать большая подготовительная работа. Для всех национально-территориальных образований нужно составить социально-территориальные паспорта, включающие

комплекс социально-экономических, этнодемографических, социально-поселенческих, физико-географических, природно-климатических и других сведений. Заложенные в них данные, а также рекомендации специалистов (демографов, этнографов, социологов и психологов) позволяют выявить оптимальные границы этих образований; определить состав, содержание, темпы и объемы работ, направленных на преобразование структуры школьной сети, жилищное строительство, возведение общественных зданий и производственных объектов, благоустройство и др.; уточнить типологические параметры населенных пунктов (функциональные типы, размер, плотность, состав культурно-бытовых учреждений и т. п.). Располагая данными о причинно-следственном механизме функционирования компонент этнической культуры, можно эффективно прогнозировать этнокультурные процессы в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнов С. А. Биллингвизм и бикультурализм // Сов. этнография. 1978. № 2. С. 3 — 14.
2. Арутюнян Ю. В. Социальное и национальное: опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973. 432 с.
3. Арутюнян Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Социол. исслед. 1990. № 7. С. 42 — 49.
4. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
5. Вавилин В. Ф. Этносоциальные характеристики современного сельского расселения Мордовской АССР: Инструментарий исследования / Мордов. ун-т. Саранск, 1985. 44 с.
6. Вавилин В. Ф. Количественная оценка современных этнокультурных процессов в Мордовской АССР. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1989. 168 с.
7. Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М.: Наука, 1985. 288 с.
8. Дробижева Л. М. О проблемах межна-
- циональных отношений и задачах этносоциологии в современных условиях // Сов. этнография. 1989. № 1. С. 41 — 46.
9. Козлов В. И. Национальный вопрос и пути его решения // Сов. этнография. 1989. № 1. С. 59 — 73.
10. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этносоциологического исследования / Под ред. Э. С. Маркаряна. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. 319 с.
11. Пименов В. В. Мордовский этнографический вопросник. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. 54 с.
12. Пименов В. В. Удмурты: опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. 262 с.
13. Статистико-этнографические исследования в Удмуртии (материалы к изучению образа жизни сельского населения) / Удм. НИИ. Устинов, 1985. 149 с.
14. Чуваши: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. 239 с.
15. Этнокультурные процессы в Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. 172 с.

БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОВОЛЖСКИХ ЭСЕРОВ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В. Ф. АЛУЕВ, соколатель кафедры истории Отечества

В данной статье впервые делается попытка показать процесс возникновения и деятельность боевых организаций поволжских эсеров на территории Мордовии в 1905 — 1907 гг. В основу публикации положены документы и материалы, извлеченные автором из архивов Санкт-Петербурга, Ульяновска, Пензы и Саранска [1 — 4].

Осуществление террористической деятельности возлагалось на боевую Организацию, которая, по сути, являлась автономной единицей партии, имела собственную кассу и пользовалась полной технической и организационной самостоятельностью. Ответом этой организации на события Кровавого воскресенья стало убийство месяцем спустя генерал-губернатора Москвы великого князя С. Романова, что, по утверждению Б. Савинкова, создало боевой организации громадный престиж во всех слоях населения. Об этом же красноречиво свидетельствуют и полицейские донесения из Мордовии.

Вдохновленное успехом и нашедшее понимание в низах эсеровское руководство приняло решение расширить террор. С этой целью со страниц центрального органа партии «Революционной России» было предложено местным комитетам партии приступить к созданию боевых крестьянских дружин, задача которых заключалась в осуществлении аграрного и политического террора. Выполняя рекомендации ЦК, поволжские эсеры уже в феврале 1905 г. на своем учредительном съезде, в работе которого принимали участие представители пяти губернских комитетов (в том числе Пензенского, Тамбовского и Нижегородского), рассмотрели вопрос о боевой подготовке всех революционных организаций. В результате дискуссии было

принято решение приступить к формированию боевых дружин, снабжению их оружием и боеприпасами. Боевые операции было рекомендовано проводить во время событий, вызывающих наибольшие волнения в народных массах, в частности таких, как крупные неудачи на войне, при мобилизациях, репрессиях правительства, а также во время стачек и крестьянских волнений. Следует отметить и то, что, одобрав политический террор, присутствовавшие на съезде почти единогласно высказали свое отрицательное отношение к проведению аграрного террора, т. е. насильтвенных действий против личности и имущества помещиков, а также других «экономических угнетателей крестьянства». Свое решение поволжские эсеры мотивировали тем, что такие действия в крестьянстве развязывают лишь хищничество и ничего общего с «социализацией земли» не имеют.

На съезде был учрежден Поволжский союз партии социалистов-революционеров, координирующий центр которого за годы революции неоднократно менял свое местопребывание: Саратов, Пенза, Симбирск, снова Саратов. При союзе была сформирована хорошо вооруженная областная боевая летучая дружина, которая впоследствии провела ряд успешных террористических актов. Кроме того, местные эсеровские комитеты и группы приступили к организации боевых дружин на своих территориях.

Так, в Пензенской губернии активную работу по формированию хорошо вооруженной и сплоченной боевой группы проводил высланный из Москвы по подозрению в причастности к убийству С. Романова эсер Б. Вноровский. Имея тесную связь с Пензенским комитетом партии, он вынашивал план

восстания в губернии, попытку которого, по его мнению, следовало было предпринять даже при наличии хотя бы сотни решительных людей. Готовя по-кому для осуществления своих замыслов, Б. Вноровский разъезжал по губернии, подбирал надежных людей, доставал оружие, организовал мастерскую по производству взрывчатки.

Летом 1905 г. Нижегородскую и Пензенскую губернию посетил Б. Савинков. Здесь он встречался с местными боевиками, в том числе с Б. Вноровским. Намечалась его встреча с крестьянами, давшими согласие на участие в боевой работе, но проведенные пензенской полицией аресты в их среде помешали этому. Судьба Б. Вноровского сложилась трагически. Привлеченный Б. Савинковым в члены боевой организации, он во время неудачной попытки покушения на московского генерал-губернатора Ф. Дубасова в апреле 1906 г. погиб от разрыва им же брошенной бомбы.

Несмотря на трудности в работе, связанные с ужесточением репрессий царских властей, при пензенской эсеровской организации был образован губернский боевой комитет, в состав которого вошла и крестьянская группа, контролирующая деятельность боевых дружин в деревне. В его арсенале значилось 80 боевых огнестрельных единиц (ружья и револьверы). Наряду с боевой деятельностью комитет занимался и пропагандой, для чего в своем распоряжении имел типографию. Печатные издания пензенского боевого комитета имели хождение и на территории Мордовии. Так, в Наровчатском уезде распространялось его обращение «Товарищи крестьяне!», а на участке Пенза — Рузаевка Московско-Казанской железной дороги — воззвание «К солдатам!».

Следует отметить, что пропаганда террора уделяли самое пристальное внимание все организации поволжских эсеров. В Саранске и Краснослободске были обнаружены эсеровские прокламации «К оружию!». На территории Мордовии получили хождение также печатные издания нижегородских эсе-

ров — «К убийству Гречнера» (по поводу успешного осуществления нижегородскими боевиками террористического акта в отношении начальника охранного отделения), «Памяти боевика Куликонского» и др., прокламация Симбирского комитета партии социалистов-революционеров «За что убивают губернаторов».

Под руководством губернских комитетов и уездных групп партии эсеров в уездах Мордовии начали формироваться крестьянские боевые дружины. Возглавляли их наиболее решительные люди, пользующиеся у односельчан безусловным авторитетом. Это были, как правило, те, кто совсем недавно вернулся с воинской службы или с отхода. Одним из них являлся демобилизованный солдат Т. Тишкун. Он организовал и возглавил в с. Кайбичево Ардатовского уезда боевую дружину местных крестьян, в состав которой вошло более тридцати человек. Вернувшийся на родину в д. Владимировку Саранского уезда крестьянин-отходник И. Чечин также сформировал из односельчан боевую дружину.

Состоявшийся в январе 1906 г. I съезд партии социалистов-революционеров принял решение о продолжении террористической тактики, причем особое значение придавалось массовой борьбе: нападениям на шпионов, жандармов, земских начальников и т. д. Местный террор должен был проводиться под контролем эсеровских партийных комитетов, а более сложные террористические акты — выполняться летучими боевыми дружинами.

Решения съезда послужили сигналом для начала активной террористической деятельности эсеров Поволжья, в том числе и на территории Мордовии. Только Симбирский комитет партии выделил на эти цели городской и сельским боевым дружинам 614 рублей. По тем временам эта сумма была весьма значительной.

1906 — 1907 гг. ознаменовались наибольшим размахом эсеровского террора. Так, жертвами летучего от-

ряда пензенской боевой организации стали: принятый по ошибке за начальника жандармского управления генерал-лейтенант Лисовский, полицмейстер Кандауров, жандарм Беляев и т. д. В 1907 г. пензенские боевики успешно провели террористический акт в отношении губернатора. В Тамбовской губернии эсерами был убит усмиритель крестьянских волнений Луженовский, а в Симбирске смертельно ранен губернатор Старынкевич.

Не отставали от своих товарищих по боевой работе и мордовские боевики. В Карсунском уезде эсером Б. Репиным был тяжело ранен уездный исправник Шемякин, а в Аллатырском боевая группа А. Заваляева убила полицейского урядника. Вскоре после проведения террористического акта она была ликвидирована. А. Заваляев, а также боевики С. Малофес, Ф. Лушников, И. Введенский и другие были брошены в тюрьму.

Кроме террора против представителей местной власти, полицейских и жандармских чинов эсеровские боевые дружины и летучие отряды занимались массовыми экспроприациями «ввиду неимения денежных средств для борьбы с правительством». Именно с такой просьбой обратился ЦК партии социалистов-революционеров к своим районным организациям. Боевики не заставили себя долго ждать. В Инсарском уезде успешно действовала группа пензенских эсеров, в состав которой входили Н. Пчелинцев (партийная кличка «Боб»), В. Сафонов («Скиф»), П. Алмазов («Антон») и др. Это были молодые люди 17 — 20 лет. Группа действовала дерзко и удачливо, так, что полиция не могла ее обезвредить, в отличие от другой группы боевиков, проведшей налет на почту близ станции Хованщина, которая была разгромлена. Ареста удалось избежать лишь жителю г. Инсара С. Лисицыну, скрывшемуся от полиции. Нередко так называемые «эксы» сопровождались убийствами стражников, как произошло при налете ардатовских боевиков на почту с. Чамзинка.

Наибольший интерес представляет

большеберезниковская боевая организация, действовавшая под непосредственным руководством Симбирского комитета партии социалистов-революционеров. Летучий отряд этой организации состоял исключительно из крестьян сел Большие Березники и Судасово. Он действовал в Карсунском и Ардатовском уездах Симбирской губернии и Саранском уезде Пензенской губернии. Он совершал дерзкие налеты на почтовые отделения, торговые и винные лавки, имения помещиков. Причем во время «эксов» оставлялись расписки, например, об изъятии денег. Карсунская полиция не в силах была задержать боевиков, признавая, что у них нет средств бороться с ними.

Отряд был сформирован на базе большеберезниковской эсеровской группы, образованной в январе 1906 г., вскоре после ареста в селе местных общепризнанных крестьянских вожаков и вожаков — эсера А. Тихолюбова (члена Симбирского комитета партии) и делегата II съезда Всероссийского крестьянского союза П. Гусева. Ключевую роль в отряде играли исключенные из учебных заведений за революционную работу семинарист Н. Назаров и студент Н. Антипин, дезертировавший из армии В. Шилкин и находящийся в розыске за убийство жандарма А. Симонов. С Симироким комитетом держали связь через явочные квартиры, одна из которых находилась в Симбирске, в доме 5 по улице Театральной. Именно здесь большеберезниковцы получали нелегальную литературу, размножаемую затем на собственном гектографе и распространяющуюся по селам, входящим в сферу деятельности отряда. Через В. Шилкина члены летучего отряда поддерживали связь и с бывшим членом I Государственной думы эсером А. Аладыным. Это был видный общественный крестьянский деятель, прибывший с началом революции из эмиграции.

Члены боевого отряда были хорошо вооружены, в их арсенале находились ружья, револьверы, самодельные метательные бомбы. Взрывчатое веще-

ство для их изготовления боевики получали, по всей видимости, от служащей большеберезниковской аптеки А. Карташовой. Несмотря на то, что не-посредственной связи членов отряда с ней не установлено, последнее можно предположить на основании выявленных фактов доставки необходимого для взрывчатых устройств сырья от А. Карташовой даже саратовским эсерам-максималистам.

Не вызывает сомнения причастность большеберезниковских боевиков к убийству симбирского губернатора Стырикевича 21 сентября 1906 г. Именно в день покушения в Симбирске находились Н. Назаров, В. Шилкин и А. Симонов. После успешного осуществления террористического акта они бесследно исчезли из города, а в Больших Березниках прошел слух о полученном местной группой эсеров письме от Н. Назарова, в котором он сообщал, что им приведена в исполнение воля комитета. 30 октября 1906 г. Н. Назаров был схвачен полицией на одной из ялок боевиков в доме судосевца И. Юленкова. Самому хозяину явки и двум боевикам, в числе которых был В. Шилкин, удалось ускользнуть из рук полиции и скрыться. Назаров, тяжело раненный в ногу, был доставлен в Симбирск и помещен в отдельную камеру центральной женской тюрьмы, «дабы его прибытие осталось совершенно секретным и он не мог войти в сношения с другими арестованными».

Судебно-медицинская экспертиза показала, что время получения ранения совпадает с временем покушения на Стырикевича, однако сам Назаров свою причастность к этому теракту упорно отрицал. Он утверждал на следствии, что получил осколочное ранение в результате неосторожного обращения с самодельной бомбой. Недостаточность улик, а также итог следственного эксперимента, в результате которого свидетель покушения гордовой Плачихин не опознал в Назарове метателя бомбы, позволили властям осудить его лишь на 3,5 года тюремного заключения. Следствие пока-

зalo, что по описанию верхняя одежда убийцы губернатора совпадает с одеждой А. Симонова. В результате тщательного розыска он был схвачен и по завершении следствия в 1907 г. казнен в здании Саратовской губернской тюрьмы.

Несмотря на тяжелый удар, нанесенный полицией большеберезниковской организацией, последняя все же действовала. Руководство принял на себя судосевский крестьянин С. Алтынов. Среди боевиков значились его односельчане Р. Савосыкин, Г. Михеев, И. Лабышев и др.

Следует отметить, что боевые эсеровские организации существовали не только среди крестьянского населения Мордовии, но и среди рабочих. Такие группы были сформированы на ст. Рузавка и в Саранске, причем они самым тесным образом взаимодействовали с крестьянскими боевыми дружинами. Связь осуществлялась не только с пензенскими, но и с симбирскими эсерами. Так, из Симбирска в Рузавку неоднократно приезжал пропагандист эсер Соколовский.

Если рузавские и саранские боевики ограничивались, как правило, экспроприациями, то боевая организация, действовавшая на ст. Алтырь, провела ряд террористических актов. Руководителем ее был ярый проповедник тактики индивидуального террора уроженец Спасского уезда эсер П. Мошкин, работавший слесарем в железнодорожных мастерских. Именно он неоднократно вывешивал на станции листовки с угрозами в адрес железнодорожной администрации. Сформировав боевую организацию из 17 человек, он начал действовать: 6 февраля 1906 г. лично застрелил помощника начальника депо Бабенко и стряжника Макарова, покушался на жизнь начальника станции Свешникова. Будучи задержанным полицией, на следствии держался хладнокровно, дерзко. Обещал, что его организация уничтожит начальника Московско-Казанской железной дороги, ряд полицейских и должностных лиц. О смелости и решительности этого человека

говорит факт удачного побега его из Симбирской губернской тюрьмы.

Боевая деятельность поволжских эсеров на территории Мордовии про-

должалась, хотя нарастал процесс отступления революции, которая неотвратимо шла к поражению, что и произошло в июне 1907 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ГАПО, ф. 43, оп. 1, д. 73, л. 6, 14, 33, 41.
2. ГАУО, ф. 108, оп. 36, д. 45, л. 32, 33.
3. ЦГА МССР, ф. 34, оп. 2, д. 33, л. 1 — 4.
4. ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 108, д. 6826, л. 7, 9, 10, 13; оп. 193, д. 29, л. 2.

*****
**АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ «КРАТКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
ГЛАВНЕЙШИХ ОБРОТОВ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ
ПО ТОРГОВЛЕ С АЗИЕЙ» КАК ИСТОЧНИК
ПО РУССКО-АЗИАТСКОЙ ТОРГОВЛЕ**

Е. З. ГРАЧЕВА, аспирант

В Государственном архиве Нижегородской области в фонде «Материалы Нижегородской ярмарочной конторы» хранится весьма интересный с точки зрения исследования русско-азиатской торговли в первой половине XIX в. документ — «Краткое обозрение главнейших оборотов Нижегородской ярмарки по торговле с Азией» [3, д. 760-а]. Он составлялся в самый разгар ярмарки, о чём нётрудно догадаться по целому ряду признаков, а наличие карандашных исправлений и помет, сделанных по завершении торга и касающихся главным образом цифровых данных, свидетельствует о его глубокой проработке. Это неудивительно, поскольку «заказчиком» являлось Министерство финансов. В отношении министра за № 2123 от 21 мая 1836 г. нижегородскому военному губернатору четко поставлена задача: доставить сведения, «какие именно товары и в каком количестве и на какую сумму поступают на Нижегородской ярмарке для действительного вывоза как в Закавказские наши провинции, так и в Азию российскими купцами, армянами, грузинами и другими азиатскими народами» [3, д. 760-а, л. 2].

Таким образом, в дело № 760-а включены: запрос министра финансов, письмо из канцелярии Нижегородского военного губернатора и собственно «Краткое обозрение...» объемом в 18 рукописных листов. Отсутствие в последнем «официального» оформления, даты, фамилий составителей свидетельствует о том, что мы имеем дело с рабочими материалами, которые, вероятно, стали затем основой для официального ответа высоким столичным инстанциям. Но тем более ценен, на наш взгляд, этот архивный документ, поскольку в нем могут быть и скорее всего имеются сведения, которые по каким-либо соображениям не включены в первый экземпляр отчета министру.

Определить конкретных авторов «Краткого обозрения...» не представляется возможным, но, по-видимому, в его составлении или корректировке принимал участие директор ярмарочной конторы А. И. Зубов.

Название документа отражает его характер — это довольно подробный отчет, содержащий сведения как о привозе азиатских товаров, их ассортименте, так и о закупках «изделий отечественной производимости», глав-

ным образом хлопчатобумажных тканей для закавказских провинций, государства Средней Азии, а также Ирана, Китая. Помимо этого мы находим здесь некоторые соображения, касающиеся перспектив торгового сотрудничества с перечисленными выше регионами, качества экспортirуемых российских товаров. Такие замечания скорее субъективны. Оценочные характеристики состояния торговых дел нас не всегда убеждают и, естественно, требуют сопоставления «Краткого обозрения...» с другими источниками, а также выводами исследователей.

Большая часть документа посвящена китайской торговле и ее основному товару — чаю различных сортов, поставляемому с Кяхты (район на границе Монголии и Китая, игравший роль «менового пункта» русских и китайских товаров. — Е. Г.). Столь пристальное внимание вполне объяснимо, поскольку в 30 — 40-е гг. XIX столетия чайная торговля на Нижегородской ярмарке имела большое значение. В 1836 г. чай составил 68 % от всей стоимости азиатских товаров [3, д. 756]. Как отмечал современник, «сей предмет является ... первейшим на Нижегородской ярмарке потому, что он развивает здесь всеобщий торт» [5, с. 33]. Объяснялось это тесной связью чайной торговли с остальными отраслями ярмарочного тортга.

Для приграничного обмена с китайцами в Нижнем Новгороде закупались большие партии пушнины, мануфактурных и других промышленных изделий. Согласно исследуемому документу, в 1836 г. для Кяхты было приобретено «одной только белки до 1 млн. шкурок, мерлушка — до 100 тыс. шт., плиса — около 4 млн. аршин, сужна — до 40 тыс. кусков, нанки — 540 тыс. кусков» [3, д. 760]. Мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, так как он требует самостоятельного рассмотрения.

Наиболее весомыми и ценными являются два последних раздела «Краткого обозрения...», характеризующих связи ярмарки с купцами Средней Азии, Закавказья и Ирана. К сожале-

нию, в документе отсутствуют данные о численности, персональном составе восточного купечества. Представлены лишь ассортимент и количество привезенныхими товарами, а также перечислены те виды российских изделий, на которые отмечалось «преимущественное требование» со стороны «азиатцев».

Основными товарами, которыми торговали на ярмарке среднеазиатские купцы, были хлопок, хлопчатобумажная пряжа и ткани (в основном бахта — плотная набивная ткань,потреблявшаяся низшими сословиями), пушнина, бирюза. Ассортимент привозимых товаров был довольно стабилен в течение первой половины XIX в., что подтверждается документами. То же самое можно сказать относительно закупавшихся для Средней Азии российских изделий. Такое постоянство, видимо, имело смысл, хотя, по свидетельству современников, снижали прибыли азиатских купцов, торговые обороты которых были связаны с Россией.

В подтверждение приведем выдержку из записок П. И. Демезона, русского путешественника, побывавшего в 1834 г. в Бухарском ханстве по поручению оренбургского военного губернатора В. А. Перовского. Он писал: «Купцы, торгующие с Россией, ввозят (в Бухару. — Е. Г.) уже в течение многих лет одни и те же товары, не думая ни об улучшении, ни о создании других отраслей торговли, и в результате успешного развития русской промышленности цены на их товары быстро снижаются» [4, с. 82 — 83].

С 30-х гг. XIX в. исследователями отмечается тенденция к сокращению количества хлопчатобумажной пряжи и увеличению доли хлопка в среднеазиатском экспорте вообще и в привозе этих товаров на Нижегородскую ярмарку в частности [1]. На это обращено внимание и в рассматриваемом нами документе. В нем зафиксировано, что хлопка на ярмарку поступило в 1836 г. 32 000 пудов, а «пряденой бумаги» — 19 000 пудов [3, д. 760-а, л. 12, об. 13].

Заметим, что имеются в виду хлопок и пряжа, привезенные самими бухарскими и хивинскими купцами. Среднеазиатский хлопок, поставляющийся в Астрахань, перерабатывался там. На ярмарке астраханскими армянами продавалась красная бухарская бумажная пряжа, пряденная и окрашенная в Астрахани. В 1836 г., по данным «Краткого обозрения...», ее было в продаже до 8 000 пудов [З, д. 760-а, л. 15]. Характерно, что цена такой пряжи почти в три раза превосходила цены на неокрашенную, собственно бухарскую пряжу (140 руб. против 65 руб. за пуд). Но даже вместе с астраханской общее количество хлопчатобумажной пряжи было меньше, чем хлопка.

Причину сокращения привоза пряжи на ярмарку авторы «Краткого обозрения...» видят в распространении в России «механического прядения бумаги», которое, по их мнению, «должно неминуемо усилить привоз этого материала (хлопка. — Е. Г.) из Центральной Азии... И если большие мануфактуры, действующие машинами, удвоили в последние три года привоз хлопчатой бумаги из Америки и уменьшили несколько привоз пряденой бумаги из Англии, то мелкие бумагопрядильни... произведут то же самое последствия относительно Бухарии и Хивы» [З, 760-а, л. 12]. Таким образом, вопросы изменения соотношения доли хлопка и его полуфабрикатов в экспорте ставятся авторами документа в закономерную связь с развитием русской промышленности.

Весьма важным товаром, привозившимся в Нижний Новгород среднеазиатскими купцами, были меха, особенно бухарская мерлушка. Спрос на нее был постоянен, а сбыт обеспечен. В «Кратком обозрении...» отмечается, что меха «продаются на ярмарке частью кяхтинским торговцам, частью же для Лейпцига по выгодной для бухарцев цене от 500 до 550 монетою за сто (шкурок. — Е. Г.)» [З, д. 760-а, л. 13]. Все бухарские и хивинские товары, привезенные на ярмарку в 1836 г., оценивались в 3 млн. 400 тыс. руб. Другой документ сооб-

щает значительно большую цифру — 4 млн. 595 тыс. руб. [З, д. 756, л. 38 об.].

Затруднительно объяснить такое серьезное разнотечение. Либо это недобросовестность чиновников, поскольку одни данные предназначались для отправки в Министерство финансов, а другие оставались в конторе, либо в первом случае не учитывался водный транспортный путь, который среднеазиатскими купцами использовался мало. Так, на запрос астраханского военного губернатора от 7 октября 1836 г. в Нижегородскую ярмарочную контору о сведениях, «кто из хивинцев с каким именно товаром и на каком судне и когда именно отправился с ярмарки в Астрахань», смотритель судоходства Виноградов, один из чиновников конторы, отвечал: «По делам вверенной мне пристани не видно, кто бы из хивинцев с каким товаром отправился с ярмарки водным путем в Астрахань, куда преимущественно отправились армяне и персы» [З, д. 756]. Среднеазиатские товары по Волге провозились в основном армянскими торговцами, реже среднеазиатскими.

Во взаиморасчетах приезжавших на Нижегородскую ярмарку русских фабрикантов и среднеазиатских купцов широко практиковался «выменя», когда в обмен на хлопок или хлопчатобумажную пряжу приобретались ткани: ситцы, нанка, кисея и др. Помимо этого в Среднюю Азию вывозились «сукно и сахар российских фабрик, канцелярское семя, киноварь и другие маскательные товары» [З, д. 760-а, л. 14].

Персидско-закавказская торговля осуществлялась на ярмарке тифлисскими армянами и персиянами, а также астраханскими армянами. Главным товаром, поставлявшимся ими в Нижний Новгород, были небольшие партии шелка-сырца: шемаханского, кашанского, горского или джаринского (последний производился на Кавказе). Судя по ценам, наиболее качественными были шемаханские и кашанские шелка (от 445 до 480 руб. и 580 руб.

соответственно) [3, д. 760-а, л. 14 об., 15]. Один из исследователей отмечал, что «шелк, привозимый из Кашана ... идет на основу шелковых тканей, приготавляемых на русских фабриках» [6, с. 258].

Общая стоимость шелков на ярмарке в 1836 г. составила, согласно документу, свыше 550 тыс. руб. «Всех товаров, — указывают авторы «Краткого обозрения...», — привезено тифлисскими армянами и персиянами на 1 500 000 руб. Приблизительно в такую же сумму можно оценить товары, поставленные на ярмарку из Астрахани. Их перечень тот же: хлопчатобумажная пряжа, хлопок, выделанные меха, шелк-сырец» [3, д. 760-а, л. 14 об., 16 об.].

Нужно сказать, что для закавказско-персидской торговли 1836 г. стал знаменательным. Это связано с изменением таможенной политики России. Со времени назначения министром финансов Е. Ф. Канкрина (с 1823 г.) правительство России преследует наряду с фискальными и протекционистские цели. Закрытие в 1831 г. по правительствуенному указу транзитного пути через Закавказье привело к тому, что «армянские торговцы предпочли перенести свою посредническую деятельность на новый путь сбыта» [2, с. 76]. То есть основная масса закавказских армян, специализировавшихся на перепродаже европейских товаров в Персии, не отказавшись от транзитной торговли, стала доставлять их по маршруту Трапезунд (Турция) — Эрзерум — Табriz. Некоторые из них начали переправлять русские товары из Москвы и Нижнего Новгорода в северные провинции Ирана. Именно прекращение транзитной торговли в Закавказье авторы исследуемого источника называют основной причиной того, что некоторые виды товаров «стремились ныне опять в первый раз в значительном количестве и раскуплены армянами при самом начале ярмарки» [3, д. 760-а, л. 16 об.]. Это прежде всего касается сукна, успешности продажи которого, согласно документу, немало способствовали зна-

чительные закупки его тифлисскими армянами.

В «Кратком обозрении...» при указании цен либо общих сумм оборота всегда имеется дополнение «монетою» или «ходячею монетою». И это не случайно: среднеазиатские, армянские, иранские купцы свои товары сбывали в основном за наличные деньги, большую часть которых в виде звонкой монеты вывозили за пределы России. На это имелись веские причины. Уже упоминавшийся нами П. И. Демезон так описывал экономическую ситуацию в Бухаре 1834 г.: «Деньги стали редки. Почти все узбекские и таджикские торговцы, погрязшие в долгах и чрезвычайно стесненные в делах, вынуждены прибегать к услугам индийцев, единственному богатому сейчас слою в Бухаре» [4, с. 83], располагавшему к тому же так необходимыми при торговых операциях наличными деньгами. С ним соглашается И. В. Виткевич, побывавший в Бухарском ханстве в 1836 г.: «Его (золота, — Е. Г.) так мало в Бухаре, что два-три червонца можно достать с величайшим трудом» [4, с. 105].

В Иране в первой половине XIX в. сложилось такое же положение. Русский консул в Гиляне (северо-западной иранской провинции) отмечал, что деньги «в сём крае составляют предмет внутренней торговли, товар, который сбывается с 20 и 25 % барыша» [8, с. 131]. Вполне объясним чрезвычайный интерес восточных торговцев к русской золотой и серебряной монете, вывоз которой после правительственного разрешения 1830 г. стал одним из главных стимулов посещения Нижегородской ярмарки. Лишь на третью или четверть вырученных от продажи денег они покупали необходимые им товары, остальная же прибыль в виде звонкой монеты отправлялась за рубеж [7, с. 237].

Разумеется, детально изучить все аспекты исследуемой нами проблемы, ограничиваясь только материалами «Краткого обозрения...», невозможно. Но, безусловно, имеющиеся в нем сведения относительно размера торгово-

го оборота, перечень привозившихся на ярмарку азиатских и экспортирующихся в указанные нами регионы русских товаров, некоторые данные, отражающие влияние на ход торговли

правительственных решений, позволяют квалифицировать «Краткое обозрение главнейших оборотов Нижегородской ярмарки по торговле с Азией». Как весьма ценный источник.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богородицкая Н. А. Нижегородская ярмарка как сырьевая рынок для хлопчатобумажной промышленности России в 30 — 50-е гг. XIX в. // Верхнее и Среднее Поволжье в период феодализма. Горький, 1985. С. 84 — 93.
2. Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России: со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1912. 362 с.
3. Государственный архив Нижегородской области, ф. 489, оп. 286.
4. Записки о Бухарском ханстве: Отчеты

- П. И. Демезина и И. В. Витковича. М.: Наука, 1983. 149 с.
5. Зубов А. И. Описание Нижегородской ярмарки. СПб., 1839. 76 с.
6. Мельников П. И. Нижегородская ярмарка в 1843, 1844, 1845 гг. Н. Новгород, 1846. 278 с.
7. Остроухов П. А. Нижегородская ярмарка в 1817 — 1867 гг. // Историч. зап. М., 1972. Т. 90. С. 209 — 243.
8. Русско-иранская торговля: 30 — 50-е гг. XIX века: Сб. док. М.: Наука, 1984. 249 с.

Журналистика и филология

МЫСЛЬ И СЛОВО (опыт стилистического анализа)

П. Н. КИРИЧЕК, кандидат исторических наук

Мысль и слово у публициста-классика нераздвоимы. Кто их разынаст, тот лишает душу тела. И все же рискну сказать по отдельности: неистовый репортер Эгон Эрвин Киш прекрасно мыслил. И столь же превосходно писал. А еще он блестательно доказал, что поиск слова неотделим от поиска правды. Эволюция мировоззрения Киша незамедлительно подправляла его творческое мышление. Микронная корректировка идейной позиции тут же обличивалась тончайшими нюансами в словосложении. Как это похоже на эффект зеркала, отражающего падающий свет с той же силой и под тем же углом...

Молодой Киш подчеркнуто беспри-

страстен. Даже аполитичен. В начале журналистской карьеры он сравнивал репортера со свидетелем на суде. Его дело — дать честные показания, а приговор пусть выносят другие. Киш тогда былся за справедливость «вообще» и признавался, что к погоне за правдой его подстрекает спортивный интерес. Объективистский подход к действительности (по его же определению: «материализм плоский, статический») накладывал вето на прямое (через немаскируемое «я») творческое самовыражение.

В знаменитом репортаже «Шестидневные гонки» [1], написанном в 1924 г., Э. Киш виртуозно прячет авторскую позицию в кружевной вязи

Идея и стиля, пожеменных публицистической высокой пробы. Собственно говоря, идея (или тема, или замысел — все равно) одна — художественно-публицистический «раскрой» досуга обыкновенного (каких на свете тысячи и миллионы) человека средних интеллектуальных достоинств, превращенного масскультурой в нравственно-психологический гумус для произрастания мещанства двадцатого века европейского образца.

При всем этом иронично-реалистичный скальпель Киша тщается политики. Он препарирует феномен мещанства не как социальной прослойки, способной сыграть роковую роль в истории. Киш ополчается против вкусов, интересов, занятий мещанина, одурманивающего себя избытком острых ощущений. Мимо человека масскультуры проходит невостребованной большая жизнь с высоким предназначением. Но эта жизнь требует неистового труда души и разума, на что не способен обыватель, который не перестает быть мещанином, даже если варит суп на электронной плите, смотрит фильм по сенсорному «видику» и спит на матрасе с термоподогревом. Этот человек с заложенной в него природой, но задавленной обстоятельствами высокой добродетелью комисссирует мелкость повседневной жизни широким набором эмоциональных «наркотиков» — рулонка, гонки, коррида. И Киш горькой, саркастической усмешкой протестует против этого самоуложения человека в прокрустово ложе первородно-прimitивных инстинктов.

Свой протест репортер выстраживает на абстрактно-гуманных представлениях о предназначении человека, его идеализированном облике, дошедшем к нам через толщу веков с подачи незабвенных утопистов. Но Киш подирает миражный идеал, пульсирующий в подтексте, собственным здравым смыслом, которым он беспощадно поверяет цивильные по форме, но первобытные по сути увлечения среднестатистического европейца. Точка зрения здравого смысла ос-

тается общим знаменателем для всех содержащихся в репортаже «надклассовых» выпадов Киша против «оливково-зеленой» тины мещанства.

Конечно, ценителю публицистики — приверженцу классового подхода асоциальный срез действительности Кишем покажется испомерно зауженным. Однако самое нелепое в критике — это требовать от автора того, чего он дать просто не может (да и не хочет!), и, встав на высоту горьковских заметок о мещанстве, указать на неиспользованные публицистические возможности. По сходному случаю метко сказал А. Чехов: «Если вам подали чай, не ищите в нем кофе». Совет классика очень мудрый, и в самый раз им воспользоваться.

Не стоит искать в тексте репортажа даже косвенные намеки на мещанство как могильщика любого общественного переустройства. Занятие бесплодное — «классовость» чужда раниему Кишу. Не будем совершать подмену тезиса: подойдем к автору репортажа в его одной-единственной здесь иллюстрации — обличителя вкусов, занятий, интересов мещанства. Тогда мы увидим превосходного мастера публициста, умело подчинившего извествование поставленной творческой задаче. И решается она всем стилем богатством, ибо в каждой фразе Киша, как точно подметил его исследователь Ю. Орлов, «...пульсирует идея, кроется намек, подготавливается ассоциация, его контексты нередко очень многозначны, одна и та же фраза имеет несколько значений» [1, с. 21].

Стилистика репортажа с первых строк пагнетает в сознании читателя с протокольной брезжальностью зафиксированный облик в сущности абсурдного состязания на потребу обывателя. Вчитайтесь в начало: «Тринадцать велосипедистов... в пятницу в девять часов вечера опустили ноги на педали». Репортер-ремесленник сказал бы ирост: «если на велосипеды» или «изготовились на старте». У репортера-профессионала из детали-намек рождается образ-ассоциация.

Дальше по тексту читаем: «...голо-

«...вы беспрерывно киваю то вправо, то влево, смотря по тому, которая нога в этот миг нажимает». В этой фразе тонкий намек становится прозрачным. В бессмысленном действе, каким является нескончаемая гонка, ноги задают работу голове, попирая все нормальные уложения человеческого существа. «Серое вещество» человека осуждает настолько, что существует лишь в поступательном механическом движении. И эта азартно-приживленная бессмыслица так захватывает толпу, как будто решается по меньшей мере проблема ее жизни или смерти. В резких сочных мазках с не меньшей, чем у гонщиков, скоростью проступает репортерское полотно: «...беснуется сумасбродная карусель... бессмысленно лялечка... палата буйногомешанных...». В трактовке явления Киш прибегает к бывающим по первым эпитетам отрицательного значения, которые помогают ему буквально «вдавливать» в сознание читателя стойкое исприятие этого искусственно экзальтированного шоу.

Стиль Киша полон парадоксов, легко возымающих или, наоборот, снижающих попавшие в поле зрения репортера факты и явления действительности. В этом случае он заставляет даже второстепенные члены предложения исправно работать на замысленную им идею утрировать сущностную бессмыслицу яростного велошоу пространственной пустотой: «Они рвутся вперед, а между тем они все из том же места, все на том же овале беговой дорожки... хотя и пролетают с головокружительной скоростью пространства, равные диагоналям Европы или расстояниям от Константинополя до Лондона и от Мадрида до Москвы».

В этой ударной фразе стилистическим рефреном является резко очерченное, как бы самостоятельное столкновение предлога «на» с группой предлогов «от — до», прямо противоположных по внутреннему содержанию. Это сцепление предлогов повторяется в тексте несколько раз и придает авторской мысли рельефный характер —

гонки велосипедистов живо напоминают безысходное верчение белки в колесе. Разница небольшая: малый зверек сует лапками за орехи, большие дяди крутят педали за доллары.

Жизни интересной, полнокровной здесь нет. Зато есть все ускоряющееся примитивное однообразие, разжигающее в зрителе низменные страсти и низводящее гомосапиенс до одноклеточного существа, занятого лишь ловлей кайфа. И ритм репортажа, динамичный, энергически насыщенный, мастерски подогнан под основную идею: он однообразен, как стаккато. Направо, налево, направо, налево; день и ночь, ночь и день; то направо, то влево; ни направо, ни влево; тринадцать сердец — «гип-гип»; рев публики — «гип-гип». Как раз эти «направо, налево» (читай: от сих до сих) становятся символом узко ограниченной сферы мыслей и чувств мещанина, озабоченного непременным сохранением собственного социально-правственного статус-кво, способного оградить от нежелательных перемен с пугающим: как бы не вышло...

Тот мирок, который обустроил для себя обыватель, жестко адсорбирует все жизненные впечатления, оставляя к употреблению лишь те из них, что безопасны для спокойствия души. В этой немилосердной обработке характера исподволь отмирают боль и сострадание к другому человеку, а на их месте зловеще прорастает иммунитет к чужому горю. Мне хорошо — значит, все прекрасно: «Разве беда, что голландец-фермер во вторую ночь слетел крутой параболой с велосипеда прямо в публику? Нет, это просто «аут». Разве что-нибудь меняется от того, что Тиц падает замертво? Нет, ничего не меняется. Если кто-нибудь убьется насмерть, какое тебе до этого дело? Что же, случайность».

Происшедшее на глазах обывателя трагедийные моменты жизни, когда надо криком кричать, чтобы прекратить смертельно-игровой аттракцион, в мещанском антиестестве подвергаются вульгарному опроцению и циничному снижению до заурядных слу-

чайностей бытия. Эту свинцово-мерзостную философию точно выражает стиль приведенного отрывка. Сжатие-разжатие пружины: на длинные, с придаточными предложениями вопросы следуют неизмерно короткие ответы. Социально-нравственный примитив — на большее не способно однозначное, обтекаемое, пригодное на все случаи жизни мышление мещанина, который, по словам А. М. Горького, стремится ни думать, ни делать, а только есть и спать...

Стиль изложения у Киша подчинен методу логической фантазии, которому он следовал всю свою творческую биографию. Но логика отображения не исключала несопоставимой, по первому впечатлению, детализации. Там, где она подыгрывала основной идеи произведения, неистовый репортёр смело шел на стилевые сюрпризы. Непривычно алогичным кажется отрывок: «Из парка выходят первые вагоны трамвая, идут на фабрику рабочие, супруг дарит жену утренним поцелем. Кто-то обдумывает, какой ему сегодня повязывать галстук, серо-черный, полосатый или же коричневый вязаный».

Действительно, логику в этом житейском ассорти, сделанном первом публициста, вычислить пепросто. Киш дает картинки с натуры разбросанно, хаотически, без осозаемой взаимосвязи. И куда только запростились характерные для Киша постепенное погнетание напряженности и традиционное расположение деталей по ранжиру!

Но логика здесь присутствует. Она явственно проступает на стыке связей внутренних и внешних. («Связи» —

любимое кишевское словечко, которым он определял сущность метода логической фантазии.) Неупорядоченная «куча-мала» натурных штрихов в приведенном отрывке олицетворяет алогичную чересполосицу перенесенных жизнеощущений, которым пробавляется всякий «мыслящий» мещанин с головой, наполненной обезличенным сумбуром представлений о действительности.

Внезапно прорезавшийся в структуре репортажа запредельный (внестадионный) план изображения, на два порядка снизвший репоме азартного велошоу обостренным смыслом человеческого бытия, говорит о виртуозном владении приемом параллельного контрастного монтажа. Вопреки евклидову правилу, смысловые параллели в кишевских фразах то и дело пересекаются: «Светит солнце и обучаются стрельбе рекруты... стучит мельничное колесо и томятся в темницах борцы за дело рабочего класса».

Это кульминация повествования, обнажающая его нравственное ядро: для мещанина все вокруг происходящее важно и неважно. Стук мельничного колеса и страдания борцов вызывают (или не вызывают) у него одинаковые эмоции — тому и другому факту места в черепной коробке отводится поровну. И не способен человек с головой, забитой диким азартом, и с желудком, переполненным ячменным пивом, задуматься над трагическим парадоксом: оказывается, солнце, дар божественно-небесный, светит для того, чтобы люди учились сажать и убивать друг друга. Чего же тогда стоит эта несносная жизнь на грани земле?..

* * *

1. Киш Э. Э. Репортажи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 228 с.

~~~~~
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК НА СТРАНИЦАХ ПРЕССЫ
[НА ПРИМЕРЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
МОРДОВИИ 1920 — 1930-х гг.]

Ю. А. МИШАНИН, кандидат исторических наук

Сегодня, в условиях общего подъема национальной активности, обретения исторической памяти, чрезвычайно важно проявлять особую чуткость и осмотрительность во всем, что касается национальных отношений. При этом необходимо опираться на исторический опыт, традиции в решении проблем национальной культуры и межнациональных отношений.

По общему мнению ученых, наиболее продуктивным периодом для культуры мордовского народа явились 1920 — 1930-е гг., когда все ее отрасли переживали активное развитие. Вместе с тем нельзя не учитывать и ошибок, уклонов, перехлестов в решении вопросов национальной культуры. Они выражались, в частности, с одной стороны, в стремлении изолировать национальную культуру от процесса взаимовлияния и взаимообогащения, в распространении лозунга «Мордовская область — только для мордвы», с другой — в отрицании необходимости развития национальной культуры, в игнорировании национальных особенностей языка и культуры, в попытках искусственной ассимиляции народов. Так, из Мордовского облисполкома в Средне-Волжский обком ВКП(б) было отправлено письмо, в котором обосновывался вывод о том, что в силу «специфических условий» мокшане и эрзяне уже за 20 лет полностью ассимилируются с русскими. Следовательно, развивать национальную культуру нет смысла (Эрзянь коммуна. 1932. 10 дек.).

Субъективная, ошибочная оценка культурных процессов, творчества деятелей культуры находила отражение и на страницах печати. Так, в газете «Красная Мордовия» творчество талантливых мордовских писателей Я. П. Григошина, И. П. Кривошеева характеризовалось как «реакционное».

подверженное идейному влиянию кулачества (Красная Мордовия. 1934. 6 янв.). Некоторые критики называли «пессимистическим», «кулаческим» творчество одного из зачинателей мордовской поэзии М. Безбородова и выступали против издания его произведений (Эрзянь коммуна. 1934. 18 апр.).

На страницах печати Мордовии пропагандировалось и отвергнутое впоследствии «новое учение о языке» академика Н. Я. Марра. Последователем Марра в Мордовии был, в частности, первый директор научно-исследовательского института мордовской культуры И. Куликов, который отрицал принадлежность мордовских языков к финно-угорской группе. Свой вывод он обосновывал тем, что это, якобы, в интересах финляндских фашистов, стремившихся «воссоединить уgro-финские народы от Финляндии до Урала под эгидой буржуазной власти» (Красная Мордовия. 1934. 25 янв.).

Языковая проблема носила общенациональный характер, потому что от уровня развития языка зависело дальнейшее развитие всей культуры мордовского народа. Неразработанность норм литературного языка скрывалась на качестве прессы, книгоиздания, народного образования и т. д. Газеты, журналы, книги печатались на тех диалектах, носителями которых являлись их редакторы. В результате этого, как вспоминал ответственный редактор мокшанской газеты «Од веле» И. Г. Черапкин, недко мордовское население той или иной местности не понимало языка издастий (Мокшень правда. 1934. 6 мая). Вскоре после выхода первого номера «Од веле» в редакцию стали поступать письма, в которых титатели жаловались на трудности в понимании многих слов, словосочетаний, целых

предложений на страницах газеты. На «непонятность, трудночитаемость» эрзянской газеты «Якстере теште» указывал М. Е. Евсевьев.

Неразработанность норм литературного языка приводила к грубому искажению содержания переводимых с русского на мордовские языки книг и брошюр. Так, в рецензии на мокшамордовский перевод брошюры «Молодежь в капиталистических странах» (1932 г.) отмечалось, что он получил «неграмотным, непонятным и трудночитаемым». Как «несоответствующие мордовскому языку» были определены рецензентами и переводы многих других изданий, что явилось причиной их изъятия из обращения.

Языковые нормы могли быть разработаны при наличии опорной диалектной базы. С этой целью летом 1927 г. АН СССР организовала лингвистическую экспедицию во главе с заведующим финно-угорским отделением Ленинградского государственного университета профессором Д. В. Бубрихом. То, что руководителем экспедиции был назначен известный учёный одного из крупнейших научных центров, говорит об общегосударственном значении проблемы нормирования мордовских литературных языков.

Периодическая печать широко пропагандировала это важное событие, публикую подробную информацию об экспедиции. «Кроме Д. В. Бубриха, — сообщал журнал «Валда ян», — в состав экспедиции входили аспиранты И. Бояляков и А. Рябов, а также Ф. Чеслоков, Е. Буртаев и А. Еремин. Работали в Ардатовском уезде Ульяновской губернии и в Чембарском уезде Пензенской губернии...» Журнал считал необходимым подчеркнуть, что во всех селах, где трудились исследователи, они находили широкую поддержку со стороны местного населения («Валда ян» 1928, № 1).

По материалам экспедиции и в результате исследований мордовских языковедов М. Е. Евсевьева, Ф. И. Петербургского и др. первая конференция по мордовским языкам состояв-

шаяся в августе 1928 г. в Москве, постановила, что в основу эрзянского литературного языка должен быть положен говор с. Козловка Ардатовского уезда, а в основу мокшанского — говор Краснослободского уезда.

В начале 30-х гг. Д. В. Бубрих являлся одним из руководителей Мордовского отделения Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народов (ЛОИКФУН). Основной задачей отделения являлось объединение научных работников, занимающихся изучением истории, культуры мордвы, нормированием мордовского языка. Большую роль в решении этой проблемы руководители отделения отводили периодической печати, которая «должна стать организующим центром зарождающейся мордовской науки» («Якстере теште». 1930. 26 июня).

По вопросу развития мордовских языков в те годы высказывались различные, порой противоположные мнения. Судя по выступлениям в печати, даже в конце 20-х гг. среди языковедов доминирующей была точка зрения об объединении мокшанского и эрзянского языков и создании единого общемордовского литературного языка. Например, заведующий областной школой Мартынов на страницах журнала «Валда ян» пишет: «Мокшанский и эрзянский языки необходимо смешать, так как наличие двух наречий тормозит подъем мордовской культуры». И далее в публикации намечался даже ряд мер, которые могли бы содействовать слиянию языков. Непоследнее место при этом отводилось административным методам («Валда ян». 1929. № 5. С. 11).

Другой автор, С. Арапов, предлагал постепенно при помощи периодических изданий вводить в язык арханизмы, которые раньше были известны и мокшанам, и эрзянам. Аналогичного мнения придерживался мордовский языковед Ф. Петербургский. На страницах журнала он высказывался за создание словаря смешанного общемордовского языка, состоящего из слов, различающихся в обоих языках только в фонетическом отношении.

Существенную роль в формировании правильных взглядов на пути развития мордовских языков сыграло выступление на страницах журнала «Валда ян» доцента И. Бондякова «Культура во второй пятилетке». В публикации автор отвергает априорные суждения о слиянии мордовских языков и настаивает на создании научной базы для каждого языка. «Задача состоит в том, — пишет И. Бондяков, — чтобы подготовить научные грамматики, орфографические словари обоих языков и прекратить всякие «научные» фантазии, которые мешают развитию и изучению языка» (Валда ян. 1930, № 4, С. 13). По всей вероятности, приведенная публикация оказала значительное воздействие на языковедов, так как после нее уже не было выступлений, призывающих к созданию единого общемордовского языка.

Таким образом, пресса Мордовии явились своеобразной трибуной для обсуждения актуальных проблем национальной культуры и родного языка, содействуя тем самым ускорению их решения.

Помимо этого мордовские литературные языки обязаны национальной периодической печати в своем функциональном и внутриструктурном развитии. К числу позитивных в этой области можно отнести то, что периодическая печать явила важным средством заимствования и пропагандирования иноязычной лексики и терминологии. Заимствовалась в первую очередь так называемая общесоветская лексика, распространявшаяся не только в Советском Союзе, но и во всем мире, то есть, по существу, международная — общественно-политическая, юридическая, административная, терминология, относящаяся к культуре и просвещению, промышленности, транспорту.

На страницах периодической печати Мордовии стала объективной реальностью активизация внутренних ресурсов мокшанского языка. В результате такого развития сначала в языке периодики, а через нее и в ли-

тературном языке появилась лексика и терминология, образованная от исконных основ с помощью продуктивных словообразовательных средств. К их числу следует отнести аффиксы. Например, «афсатыхс» (недостаток), «сатфкс» (достижение), «петькс» (послесловие), «луромхс» (съезд), «валхс» (словарь). Однако в последующем, как справедливо отмечает исследователь мордовских языков Т. М. Шеянова, подобная форма образования новых слов в мордовских языках не получила широкого распространения [1].

Кроме того, терминологический состав языка пополнялся и при помощи калькирования. Например, «классовой тюрсма» (классовая борьба), «ашуломань» (бедный человек), «революция инкса тюри» (борец за революцию), «якстерь галстук» (красный галстук).

Характеризуя негативные стороны мокшанского языка в периодической печати, нельзя не отметить расхождений в написании одних и тех же слов в одном и том же издании и даже в одной и той же статье. Например, в одной статье нередко встречаются разные формы притяжательных суффиксов: «условиянесъ», «условиянек» (наши условия); «возможностенъке» (наши возможности) (Валда ян. 1931, № 2). Язык периодики был насыщен диалектизмами и просторечиями: «спяграф» (глухой), «ниарь» (только), «ушарды» (хочет), «лифтемс» (вытащить).

В силу описательных переводов иноязычных понятий синтаксис языка первых национальных периодических изданий Мордовии характеризовался обилием второстепенных членов, придаточных предложений и оборотов. Все это порой порождало искажение смысла переводимых понятий и выражений. Со временем эти недостатки были устранены. По мере развития словарного состава языка, выработки грамматических норм язык национальной периодики избавлялся от диалектной, просторечной лексики, устанавливались единые формы, категории.

Таким образом, 20 — 30-е гг. явились начальным этапом развития современного лексико-терминологического фонда мордовского литературного языка, в формирования которого огромную роль сыграла периодическая печать. Благодаря усилиям мордовских языковедов, работников прессы, просвещения к середине 30-х гг. грамматические формы, лексико-терминологический состав мордовского литературного языка стали отчасти соответствовать современному языку. Особенno был близок к нему язык зарождавшейся художественной литературы.

Процесс формирования и развития мордовской художественной литературы неразрывно связан с развитием мордовского литературного языка и научной разработкой его норм. В то же время разработка этих норм зависела от развития литературы, которая наравне с опорной диалектной базой давала молодому языкоzнанию огромный материал для теоретического обобщения и практических выводов.

С 1933 г. журнал «Колхозонъ эряф» был преобразован в литературно-художественный. Он открыл свои страницы мордовским писателям и поэтам Я. Пинясову, М. Бябину (М. Бебану), Е. Пьянину, М. Безбородову, Л. Макулову, В. Ардееву (Виарду) и др. В журнале систематически печатались рецензии на литературно-художественные произведения, обсуждались их языковые проблемы. Кроме того, при редакции журнала в январе 1933 г. начал работать семинар по литературоведению, одной из задач которого являлось решение вопросов, касающихся языка («Колхозонъ эряф». 1933. № 2). В программе семинара, состоящей из пяти разделов и рассчитанной на 100 часов, на изучение мокшанско-го языка выделялось 42 часа. А преподавателем по языкоzнанию был назначен уже тогда широко известный языковед И. Г. Чесрапкин. Предполагалось изучение орфографии, пунктуации, истории языка, лексического состава, синонимии, правописания сложных слов и т. д.

Широко популяризируя рассказы, повести, стихи, поэмы мордовских про-заков и поэтов, обсуждая на своих страницах их достоинства и недостатки, печать содействовала совершенствованию языка художественных произведений. Пресса Мордовии постоянно подчеркивала важную роль русского языка в приобщении мордовского народа, всех народов страны к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры. Большое значение для разъяснения роли и значения русского и родного языков, для углубления их изучения в школах республики имели выступления на страницах как местной печати, так и центральной просветительской мордовского народа профессора Ф. Ф. Советкина. Ученый-педагог много внимания уделял преподаванию русского языка как языка межнационального общения. В статье «Запущенный участок», опубликованной в 1931 г. в журнале «Просвещение национальностей» (№ 10), он подчеркивал, что во всех вариантах учебного плана, для какой бы национальности они ни вырабатывались, должно быть одинаково обеспечено обязательное изучение русского языка и методики его преподавания в национальной школе. На страницах «Красной Мордовии» (1936. 12 янв.) в статье «За грамотную и культурную смену» ученый с волнением говорил о слабой подготовленности учащихся некоторых национальных школ Мордовии по русскому языку, о незнании художественной литературы на русском языке.

Стремясь правильно определить роль и место русского языка в национальной школе, профессор Ф. Ф. Советкин никогда не умалял значения родного языка как основы преподавания, убеждал в том, что без родного языка нельзя научить детей мыслить, владевать знаниями, так как с его помощью ребенок приобретает первые представления об окружающем мире.

Предостерегая от предпейшей ошибки противопоставления одного языка другому, выступая за усиление борьбы с подобными явлениями, профессор предлагал конкретные меры,

реализация которых способствовала бы улучшению преподавания в школах родного и русского языков. Для этого необходимо, подчеркивал он на страницах «Красной Мордовии» (1936. 12 янв.), установить четкий контроль за постановкой преподавания родного и русского языков со стороны отделов народного образования, директоров и завучей школ, ввести в практику работы школ такое положение, чтобы не только учителя-филологи боролись за знание учащимися языка, но и все без исключения педагоги, какую бы дисциплину они ни преподавали. Кроме

того, автором были наложены меры по совершенствованию методики преподавания языка. Проникнутые заботой об изучении и развитии родного и русского языков, выступления Ф. Ф. Советкина способствовали совершенствованию методики их преподавания, укреплению дружбы между народами.

Таким образом, в 20 — 30-е гг. молодая мордовская периодика сыграла важную роль в становлении и развитии литературного языка, в пополнении его лексического фонда, способствовала нормализации языка, совершенствованию его стилей.

* * *

1. Шеянова Т. М. Влияние русского языка на развитие словарного состава современных

мордовских языков / Мордов. ун-т. Саранск, 1983. 80 с.

ПРЕССА МОРДОВИИ И ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

П. Ф. ПОТАПОВ, кандидат исторических наук

Известно, что путь мордовского народа к своему национально-государственному устройству был долгим. Впервые такая идея выдвинута в мае 1918 г., затем вопрос был поставлен Всероссийским съездом коммунистов мордовской национальности в июне 1921 г. Подготовительная работа началась в феврале 1919 г., широкое развитие она получила в июле 1920 г. и особенно активизировалась после создания Мордовского отдела Наркомца (февраль 1921 г.) и Центрального бюро мордовской секции при ЦК РКП(б) (июнь 1921 г.).

Деятельной силой в становлении национальной государственности Мордовии была печать. Например, еще в 1922 г. общемордовская газета «Якстере теште» («Красная звезда») на своих страницах проводила мысль о том, что создание автономии откроет большие перспективы для экономиче-

ского и культурного возрождения мордовского народа [2]. Своими публикациями «Якстере теште» и другие газеты оказывали заметное влияние на характер национальных процессов в Мордовии [1]. То было время кропотливой подготовительной работы. Предстояло многое выяснить о численности мордвы, ее культурном и экономическом состоянии, степени ассимиляции.

16 июля 1928 г. постановлением ВЦИК был образован Мордовский округ в составе Средне-Волжского края. 10 января 1930 г. мордовский народ впервые за свою многовековую историю получил государственность: Мордовский округ преобразован в Мордовскую автономную область с центром в городе Саранске. 20 декабря 1934 г. ЦК ВКП(б), Президиум ВЦИК объявили о создании Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики.

В 1990 г. была открыта новая страница в истории национально-государственного устройства Мордовии. После принятия I съездом народных депутатов России декларации о суверенитете РСФСР в республике началось движение за ее суверенитет.

Следует отметить, что Мордовия включилась в этот процесс только в октябре 1990 г., когда большинство автономных республик Российской Федерации уже объявили о своей самостоятельности. Тогда на всенародное обсуждение были вынесены два проекта «Декларации о государственном суверенитете Мордовской Советской Социалистической Республики», подготовленных Президиумом Верховного Совета Мордовской АССР и культурно-просветительным обществом «Масторава». Проекты были опубликованы в печати. Они почти идентичны. Может быть, единственное отличие заключалось в том, что проект общества «Масторава» был более приближен к нуждам и чаяниям коренного населения и направлен на национальное возрождение мордовского народа.

Почему же столь остро встал вопрос о суверенитете Мордовии? Выдвинулись два основных аргумента: условно их можно назвать социально-экономическим и национальным. Первый сводился к тому, что статус автономии стал сдерживать раскрытие потенциальных возможностей социально-экономического развития республики и выход из тупика возможен только при условии провозглашения государственного суверенитета. Второй аргумент выводился из права мордовской нации на самоопределение, с ним связывали возможность ее национального возрождения, преобразования республики в национальное государство всех эрзян и мокшан страны. Каждая эрзянско-мокшанская диасpora получала право избирать своих представителей в Верховный Совет Мордовии.

На первоначальном этапе обсуждения вопроса о суверенитете политический аспект привнес много страстей в решение проблемы, но об этом пред-

почитали не говорить, и газеты на этом не акцентировали внимание. Считалось, что суверенитет Мордовии даст возможность местной власти стать независимой от политики российского Верховного Совета и его руководства. И лишь когда была принята отставка А. И. Березина, который совмещал две руководящие должности — первого секретаря Мордовского обкома КПСС и Председателя Верховного Совета республики, и на альтернативной основе избрано новое руководство, обсуждение проблемы пошло в иной плоскости.

Политический и экономический статус республики начали рассматриваться на сессии Верховного Совета Мордовской АССР, материалы которой нашли отражение в прессе. «Быть ли Мордовии суверенной», «Слово о государственном суверенитете Мордовии» — эти и другие публикации передавали все многообразие суждений о суверенитете республики, высказанных на сессии. Позиции депутатов были различны, нередко даже поляризы. И чтобы сладить противоречия между различными группами депутатов, а также ученых, интеллигенции автономной республики и выработать общую линию в вопросе о суверенитете, Президиум Верховного Совета МАССР провел «круглый стол». 1 ноября 1990 г. газета «Советская Мордовия» напечатала материалы состоявшейся дискуссии. На встрече шел свободный обмен мнениями, без назиданий, хотя и не без эмоций. Но они свидетельствовали лишь об искренней заинтересованности каждого в решении непростой проблемы.

Какие же доводы за и против суверенитета приводились участниками «круглого стола»? Одни считали, что сложность состоит в том, что очень многие жители Мордовии не воспринимают идею суверенитета, поскольку понимают ее как полную государственную независимость, как выход из состава России и Союза. Но так вопрос, и это было подчеркнуто в проектах, не стоял. В понятие «суверенитет» вкладывалось иное содержание, неже-

ли его толкуют словари. Это прежде всего форма государственного образования, которое на равноправной основе войдет в обновленную Россию и будет соответствующим образом строить свои взаимоотношения с другими республиками и государствами.

Были и такие выступления, в которых говорилось о будущем положении национальной науки, культуры, литературы. М. Ф. Жиганов — директор НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР, И. А. Калинкин — председатель правления Союза писателей республики, Д. Т. Надькин — председатель общества национального возрождения «Масторава» высказали мнение о том, что суверенитет откроет новый этап самоопределения нации, поскольку, оправившись от диктата центра, республика будет вправе самостоятельно определить национальную политику, решать финансово-экономические и другие вопросы. Суверенитет будет способствовать укреплению связей мордовского народа с другими финно-угорскими народами, что в конечном счете послужит развитию не только культуры, науки, но и экономики.

В пользу суверенитета приводился и такой аргумент, что он будет способствовать активизации деятельности всех структур. Республика не будет ждать, когда ей что-то распределят, а сама обязана будет решать жизненно важные вопросы. С этим многие связывали большие надежды на развитие инициативы и творчества масс, пробуждение духовных сил народа.

Но были и иные доводы, в основном тех, кто выступал от имени движения «Демократическая Россия». Они твердо высказались против принятия декларации. С их точки зрения, это ни что иное, как дань моде, и применительно к Мордовии можно вести речь лишь об ограниченном суверенитете, которым и обладает автономная республика.

Как видим, были и сторонники и противники суверенитета Мордовии. И все же, при всей противоречивости

мнений, участники «круглого стола» склонились к мысли: суверенитет Мордовии необходим, иное дело — в какой форме и какое содержание будет вложено в это понятие.

Общественное мнение по вопросу о суверенитете автономной республики также было неоднозначным. В печати, на радио и телевидении это нашло достаточно широкое отражение. Отклики читателей публиковались под рубриками «Суверенитет: за и против», «Поговорим о суверенитете Мордовии». Следует заметить, что в национальных газетах «Эрзянь правда» и «Мокшень правда» подобных материалов было значительно меньше, чем в газетах, выходящих на русском языке.

3 ноября 1990 г. «Мокшень правда» поместила на своих страницах статью народного писателя Мордовии И. Девина, озаглавленную «Мнение одно — нужен», где говорилось о том, что государственный суверенитет необходим для того, чтобы развивалась национальная культура, чтобы почувствовать, наконец, себя хозяином на своей земле. Эта публикация была одной из немногочисленных в национальной печати, автор которой выступил за самостоятельность республики. Большинство же людей мордовской национальности остались в стороне от обсуждения этого важного вопроса.

Наиболее активно проводила обсуждение проектов декларации газета «Советская Мордовия». На ее страницах лишь в ноябре 1990 г. было напечатано около 20 материалов различных жанров: от информационной заметки до аналитической статьи. Авторами газетных выступлений являлись ученыe Мордовского университета, руководители предприятий и организаций, труженики города и села, представители различных структур власти. Вот лишь отдельные мнения некоторых читателей, поступивших в редакцию газеты.

Н. Шанжаев в номере за 10 ноября 1990 г. писал, что признание суверенитета не дань моде, а назревшая проблема. Это очень важный шаг на пути передачи в ведение республики

многих вопросов социально-экономического, экологического, культурного и политического характера, которые будут решаться без вмешательства центра.

О. Зауралов в статье «Позвольте не согласиться» (13 ноября) предлагал свой вариант решения обсуждаемого вопроса. «Для окончательного определения путей развития республики, — подчеркивал он, — есть только один путь — референдум. Но не спешный, а тщательно подготовленный, с участием не всей мордовской диаспоры... а только лиц, живущих постоянно и оседло на территории автономной республики».

В ходе обсуждения вопроса о суверенитете в прессе Мордовии была высказана масса точек зрения — от ярого его неприятия до безоговорочного одобрения. Одни утверждали, что это исторический шанс, который упустить непростительно, другие считали, что это республике ровным счетом ничего не даст и только осложнит обстановку, нарушит гармонию межнациональных отношений, складывавшуюся веками. Столь широкий разброс мнений понятен: речь шла о необычном и сложном. Вот почему, уважая позицию читателей, даже если она

порой противоречила мнению редакции, республиканские газеты, особенно «Советская Мордовия», а также редакционные коллективы радио и телевидения старались представить всю совокупность мнений и суждений о суверенитете.

В номере от 10 декабря 1990 г. газета «Советская Мордовия», заканчивая обсуждение проектов деклараций о суверенитете республики, писала: «Итак, быть суверенитету Мордовии или нет? Сегодня этот вопрос будет рассматривать сессия Верховного Совета МАССР». А уже на другой день в печати была опубликована «Декларация о государственно-правовом статусе Мордовской Советской Социалистической Республики», один из пунктов которой гласил: считать республику субъектом Федеративного и Союзного договоров и преобразовать ее в Мордовскую Советскую Социалистическую Республику. Таким образом, был сделан существенный шаг на пути политической и социально-экономической самостоятельности Мордовии, значительного расширения прав и свобод граждан, совершенствования межнациональных отношений в республике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Погалов П. Ф. Становление государственности в национальной печати // Полит. вестн. [Саранск]. 1988. № 9. С. 26 — 33.

ПАРАДОКСЫ ОЧЕВИДНОГО [НЕСКОЛЬКО СЛОВ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФАКТА В ПУБЛИЦИСТИКЕ]

Л. А. ПОЕЛУЕВА, старший преподаватель

Обсуждение многих важных проблем современной теории публицистики так или иначе затрагивает ее фундаментальную категорию — факт. Категория факта является базисной в со- вокупности представлений о способах

и методах публицистического отображения действительности, и осмысление важности работы с фактическим материалом, безусловно, находится в ряду резервов совершенствования деятельности журналиста.

Категория факта долгое время не привлекала к себе пристального внимания исследователей, что объяснялось, на наш взгляд, устойчивыми представлениями о кажущейся простоте и очевидности данной категории. Однако развитие теоретических взглядов на принципы функционирования и создания публицистических произведений естественно подвело и к пониманию неоднозначности используемых публицистикой категорий. Сегодня уже ясно, что взгляд на проблему факта изменился, осознание его сложности неизбежно проходит через осмысление гносеологических закономерностей публицистического творчества.

Но насколько сложна эта проблема, свидетельствуют разноречивые мнения о природе факта. Под фактом подразумевают то фрагмент действительности, то описание этого фрагмента. Предлагается и компромиссный вариант: действительность — «факты первого порядка», отображение ее — «факты второго порядка». В своих размышлениях о факте теория публицистики отразила все противоречия, существовавшие в свое время вокруг факта науки. И до сих пор публицистике «приходится преодолевать как предрассудок закрепившееся примитивно-прагматическое понимание факта» [4, с. 9].

Сопротивление теоретическим представлениям особенно заметно в повседневной газетной практике, где очень сильны призывы к использованию «объективных фактов и явлений действительности». Но та же практика убедительно демонстрирует многочисленные примеры «отклонений» факта от объективности. С другой стороны, жанровое воплощение факта на газетной полосе связано с определенными трудностями, и непонимание природы факта нередко мешает созданию публицистически значимого произведения.

Интуитивная простота и ясность в понимании исчезают сразу же, как только мы пытаемся отдать себе отчет в том, что же такое факт, как он соотносится с действительностью, ка-

ковы его основные характеристики, способы определения и установления. Основная трудность, на которой чаще всего «спотыкается» сознание, — соотношение факта и объективной действительности, выражющееся в тождественности понятий «факт» и «событие». Особенно часто это противоречие проявляется на уровне обыденного мышления. И здесь необходимо провести чёткое разграничение.

Событие приобретает смысл значимого, а следовательно, и фактического лишь потому, что оно попадает в сферу познания. И количество фактов может быть бесконечным — в зависимости от направленности «познавательного дуга», высвечивающего одну из бесчисленных сторон действительности. Факт существует в сознании, он — порождение человеческой мысли, он — свидетельство уровня знания, существующего на определенном этапе развития культуры.

И если еще совсем недавно логика науки не особенно возражала против того, чтобы фактом называли и «объективное событие» и само «фактическое знание», то современная теория познания имеет вполне устойчивую точку зрения на этот счет: «Когда событие осмыслено, оно принимает форму утверждения или рода утверждений о нем, тогда наше знание о событии квалифицируется как факт. Поскольку же разные исследователи могут делать различные утверждения относительно одного и того же события (в силу многогранности явления или же различий концептуальных установок исследователей), последнее является источником «различных» фактов. Между фактами и событиями не существует, следовательно, взаимоодновозначного соответствия» [3, с. 269]. Это очень тонкое различие онтологического и гносеологического во многом объясняет истоки противоречий, и необходимо чувствовать грань между осознаваемой онтологической сущностью действительности и фактически данной ее гносеологической формой.

Гносеологический подход к факту позволяет объяснить соотношение объ-

ективного и субъективного в нем. Факт устанавливается в процессе активного взаимодействия человека с действительностью, в условиях использования матриц предшествующего знания, что обуславливает субъективную сторону факта, отражающего мир лишь до определенной степени точностии. Мировоззрческие, ценностные установки человека в достаточной мере присутствуют в факте, и это на практике часто приводит к тому, что за «точку отсчета» бывают припяты сугубо личные, иногда даже ошибочные положения, формирующие в свою очередь «ошибочные» факты. Но даже в идеальном случае ошибок не избежать. Это — естественные, закономерные особенности индивидуального видения мира, возникающие в познании и обуславливающие в итоге всю мозаичность и пестроту восприятия жизни. «Бессмыленно говорить об ошибках там, где имеет место просто передача информации из одной системы в другую (в этом случае может иметь место лишь потеря или искажение информации). Лишь там, где появляется познание, возникает возможность ошибок» [2, с. 202].

Природа факта демонстрирует и такую особенность. Если в естественных науках предполагается максимальное «стирание» личностного отношения к действительности, то этого нельзя сказать о сферах знания, в центре которых — развитие общественных отношений, в частности публицистическом знании. Здесь констатация факта невозможна без его осознания, осмысления, оценки. Факт изначально несет в себе оценочность, поскольку он «задан» понятийной системой, созданной для отображения того или иного явления. «Ставясь фактом, — пишет В. В. Успенова, — действительность неизбежно приобретает примесь субъективности познающего разума» [5, с. 84].

Определенные взгляды, убеждения, представления — вот те факторы, которые «включают в действие» силу интерпретации. Необходимо здраво и естественно относиться к неизбежности

этой интерпретации, понимать ее степень, качество, условия, в которых она могла возникнуть, и уметь сделать скидку на издержки индивидуального видения мира. Излишне говорить, что к публицистике это имеет самое непосредственное отношение.

Проблема диалектики субъектно-объектных отношений имеет еще один аспект, обнаруживающий себя и в научном, и в публицистическом исследовании. Факт раскрывает свое содержание, будучи включенными в ту или иную систему знания. Но в то же время система наделяет факт субъективной окраской, присущей только этой системе. Таким образом, факт предстает и объективным базисом, основой какой-либо конкретной системы, и ее субъективным звеном [1, с. 112].

Объективно-субъективные взаимодействия в факте публицистики усложняются еще и тем, что в нем перекрещиваются познавательные интересы исследователя и интересы «источника информации». Одно и то же событие может быть по-разному зафиксировано разными людьми, с точки зрения разных связей и зависимостей.

Однако было бы слишком категорично утверждать, что объективная картина мира недоступна восприятию. Именно факт выступает такой гносеологической категорией, по отношению к которой существует заведомое доверие. Инвариантное зерно факта имеет свойство сохраняться под множеством интерпретационных налластований, не переходя из одной познающей системы в другую. Возможно, инвариантный фактор обеспечивается исторически сложившимися процедурами проверки знания на истинность, множественностью в главном совпадающих суждений об одном и том же предмете. Но проблема эта сложна и требует дальнейшего изучения.

Таким образом, факт предстает сложной гносеологической категорией, возникающей в момент определенного типа связи между познающим разумом и действительностью, в момент сложного сопряжения первичной информации об объекте со своеобразны-

ми «матрицами» объекта, которые уже существуют в памяти, запечатленные многократно и столь же многократно корректирующиеся в процессе познания мира.

Факт включает в свою структуру все гносеологические сложности отоб-

ражения мира, и необходимо, чтобы теоретические представления об этой базисной единице публицистического знания пришли на смену «интонационно-реалистическому» сбыденному образу мышления, господствующему в практике публицистики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузьмин В. Ф. Объективное и субъективное. М.: Наука, 1978. 215 с.
2. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 357 с.
3. Лекторский В. А. и др. Гносеология в системе философского мироозереня. М.: Наука, 1983. 301 с.
4. Стюфляева М. И. Поэтика публицистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. 153 с.
5. Ученова В. В. Гносеологические проблемы публицистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 146 с.

о К ВОПРОСУ О СОЧЕТАЕМОСТИ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ПРИСТАВКИ НЕ- С ПРИЧАСТИЯМИ И ОТПРИЧАСТНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

В. В. ШИГУРОВ, кандидат филологических наук

Механизм словообразования не может быть представлен адекватно без рассмотрения валентности морфем, их сочетаемостных свойств, обусловленных системой языка [3, с. 320 — 321]. Актуальным в этой связи является исследование типов сочетаемости приставки *не-* с разными семантико-грамматическими классами слов, в частности с причастными формами глаголов и возникшими на их базе прилагательными. Эта проблема обсуждалась в работе Г. А. Бобровой, посвященной выяснению семантических ограничений в сочетаемости приставки *не-* с действительными причастиями [1, с. 66 — 72]. Основной вывод, к которому приходит автор, заключается в том, что отрицательная приставка *не-* маркирует причастия с ослабленной глагольностью, предрасположенные к адъективации. (Влияние отрицания *не-* на глагольные признаки причастий отмечалось в исследованиях В. И. Чер-

ышева, В. В. Виноградова, В. Н. Крестовой, И. А. Краснова, В. Ф. Ивановой, Л. П. Калакуцкой, Л. Л. Буланина, Н. Т. Спиступова, Г. А. Бобровой, В. В. Шигурова и др.).

Проведенный нами анализ переходных явлений в сфере причастных форм глаголов с отрицанием в принципе подтверждает вывод Г. А. Бобровой, позволяя вместе с тем вынести некоторые уточнения. Как представляется, отрицательную приставку *не-* могут присоединять два типа причастий:

Во-первых, она свободно употребляется с причастиями, полностью сохранившими свои глагольные свойства (семантику процессуального признака, категории вида, относительного времени и залога и др.), не подвергнувшись адъективации. Таковы, например, причастия с *не-*, мотивированные глаголами со значениями: «создать объект речевой деятельности»

(незаданный вопрос, необъявленное выступление, неспетая песня и т. п.): «получить, передать, распределить и переместить объект в пространстве» (*неполученная премия, некайданный ключ, неизрасходованные деньги, нераспространенные билеты, несданная посуда, ненакопленные сбережения, нерасставленная посуда, неувранные книги, незанесенные вещи*); «воспринять объект при помощи органов чувств» (*невиденные фильмы, не просмотренная рукопись, не прочитанная книга, непроверенные факты и т. п.*); «зарегистрировать объект при помощи действия, позиционного производящей основой» (*незарегистрированный результат, незаписанный номер, недатированное заявление, не оформленный отъезд, неподписанный документ, неутверждённая тема и т. п.*); «сделать объект доступным для восприятия с помощью действия, обозначенного производящей основой» (*неопубликованное произведение, неизданный сборник стихов, неизданный труд, не показанный фильм и т. п.*); «направить действие, выраженное производящей основой, мимо объекта, находящегося на пути движения» (*необойденный фланг противника и т. п.*): «направить действие, выраженное производящей основой, на ряд объектов» (*неопрошенные свидетели, необеганные соседи и т. п.*).

Страдательные причастия рассматриваемого типа с отрицанием входят в субъектную лексико-семантическую группу глаголов (термин И. К. Сазоновой), обозначаю действия, не приводящие к изменению внутренних существенных свойств объектов [6, с. 101 — 103]. В условиях отрицания действия такие страдательные причастия получают следующее семантическое истолкование: «не подвергшийся действию, указанному мотивирующей основой глагола» (*непрослушанные записи — такие, которые не были прослушаны*). Несомненно то, что качество объекта

(записи) не может измениться в случае реализации или нереализации действия, обозначенного глаголом (*прослушать*). Соответственно мы имеем дело с причастиями (а не прилагательными!) в случаях *прослушанная запись* и *непрослушанная запись*. Но в то же качество упомянутого объекта (записи) может появиться в результате каких-то других действий, скажем, стереть и т. п., которые выражаясь в причастиях, создают благоприятную семантическую основу для их окачествления, ср.: *недавно стертая запись* (прич.) → *стертая запись* (прил.); *не испорченная полностью запись* (прич.) → *неиспорченная запись* (прил.). Что касается причастий с отрицанием типа *непрочитанная* (книга), *неполученная* (премия), *несданная* (посуда), то они обладают полным набором системных грамматических значений глагола: совершенный вид, предшествование, страдательный залог [2, с. 30 — 38]. В современном русском языке имеются единичные факты трансформации таких причастий в прилагательные: *незваный гость, несказанный скандал, невиданный случай*.

Во-вторых, отрицательная приставка *не-* встречается в причастиях, подвергшихся функциональной адъективации в пределах глагольных лексем. При этом степень адъективации может быть различной, что составляет предмет особого разговора. Функциональный переход в прилагательные демонстрируют, в частности, страдательные причастия, восходящие к глаголам объектной лексико-семантической группы [6, с. 103 — 105]. Отпричастные прилагательные такого типа выражают новое внутреннее качество предмета, возникшее вследствие осуществленного действия, ср.: *сломанная игрушка, испорченное мастижение и т. п.* В отпричастных образованиях с отрицанием реализуется соответствующее типовое адъективное значение: «сохраняющий исходное внутреннее качество, которое могло измениться в случае совершения дей-

ствия, указанного основой адъективированного причастия»: *неразорванная тетрадь* (целая, т. е. такая, которую не разорвали), *невыстиранное белье* (грязное). С аналогичным адъективным значением выступают следующие отпричастные прилагательные с отрицанием: *неросущенный район*, *неостваренный картофель*, *неоштукатуренная стена*, *неповрежденный кабель*, *необрезанный куст*, *неомраченный день*, *необглаженное бревно*, *невыделанная кожа*, *незагрязненные окна*, *незакаленный боец*, *необогащенная смесь*, *неустроенная жизнь* и т. п. Прилагательные — функциональные адъективаты могут приобретать значение «неспособный совершить действие»: *незамерзающая жидкость* (неспособная замерзать); *нержавеющая сталь* (неспособная ржаветь) и т. п. [4]. Отпричастным прилагательным функционального типа, не нарушающим тождества глагольной лексемы, в системе языка противостоят отпричастные прилагательные — новые лексические единицы вроде *несобраный человек*, *невыдержаный характер* [10].

Таким образом, приставка *не-*, как было показано, может быть как при «полноценных», типичных причастиях, так и при адъективированных, т. е., по существу, при отпричастных прилагательных. Вместе с тем, как уже отмечалось в литературе, она способна сочетаться далеко не со всеми причастиями, ее валентность избирательна. Лингвистический эксперимент позволяет обнаружить ряд ограничений в сочетаемости указанной отрицательной приставки с некоторыми группами глагольной лексики. В данном случае речь идет не о каких-то морфонологических ограничениях в образовании причастий с отрицанием, а о невозможности реального использования сконструированных форм.

Так, представляется невозможным (или, по крайней мере, проблематичным) применение в условиях соответствующего контекста причастий с при-

ставкой *не-*, мотивированных глаголами следующих способов действия (за основу взята классификация способов глагольного действия, разработанная М. А. Шелякиным [9, с. 73 — 85]): кумулятивного (*ненакопленный) (здесь и далее звездочка указывает на искусственный или проблематичный характер образований с приставкой *не-*), отдельительно-паритивного (*неотличенный), недостаточно-нормативного (*ненедовырученный), длительно-усильтельного (*недобудившийся), интенсивко-процессного (*невыпрощенный), финитивного (*неогнужденный), делимитативного (*неполежавший), протяженно-одноактного (*непровызванный), сативного (*ненагулявшийся), чрезмерно-кратчного (*ненамучившийся), чрезмерно-интенсивного (*неубегавшийся), финально-отрицательного (*недонгравийшийся), чрезмерно-длительного (*незасидевшийся), усилительно-интенсивного (*неразболевшийся), прерывисто-мягчительного (*непосвистывающий), процессно-мягчительного (*ненакевавший), процессы-комитативного (*непритоптывающий), процессно-длительного (*неразгулявшийся), осложненно-интенсивного (*невыскатывающий), длительно-взаимного (**непереглядывающийся*). Многие из названных аспектуальных разрядов объединяют непереходные глаголы совершенного вида, от которых образуются лишь действительные причастия прошедшего времени. Наблюдения показывают, что действительные причастия с трудом присоединяют к себе отрицательную приставку *не-* и адъективируются. Отчасти поэтому, очевидно, среди отпричастных прилагательных с *не-* меньше всего форм, мотивированных действительными причастиями, и в первую очередь прошедшего времени совершенного вида.

Следует подчеркнуть, что ограничения в сочетаемости приставки *не-* с причастиями существуют не только на уровне способов глагольного действия. Они обнаруживаются и в рамках отдельных лексико-семантических групп. Например, приставка *не-* невозможна при причастных формах глагола, обо-

значающих: «однонаправленность движение» (*нелетящий), «положение тела в пространстве» (*нележащий), «развлечение» (*метающимущий), «звукание» (*некружящий), «пребывание в молчании» (*немолчаший), «проявление признака» (*небелеющий) [1]. Кроме того, отрицательная приставка *не-* может сочетаться избирательно с отдельными лексемами в пределах того или иного аспектуального разряда глаголов. Мы можем сказать *неприлегающие территории*, но вряд ли скажем *неграничащие территории*, хотя обе формы (*неприлегающий* и **неграничаший*) спонситорны с глаголами реляционного способа действия.

По свидетельству И. Т. Свищунова, отрицательная приставка не встречается в тех причастиях формах глагола, которые выражают имплицитное (скрытое) отрижение [7]. По нашим наблюдениям, лексемы, в смысловой структуре которых содержится имплицитное отрижение, распределяются по нескольким способам глагольного действия. Сюда относятся глаголы типа *отсутствовать* в значении «не присутствовать» (статальный способ действия). Ср.: *отсутствующие студенты* — **неотсутствующие студенты*. Отметим, вместе с тем, возможность присоединения приставки *не-* к причастиям, образованным от глаголов со значением бытия, существования предмета, не обладающим отрицательным элементом смысла: *несуществующий предмет* и т. п. Имплицитное отрижение представлено также в результативно-непроцессных глаголах, обозначающих факт улучшения чего-либо в результате недосмотра, например: *просмотреть* (смотря, не заметить, пропустить), *промахнуться* (не попасть в цель). Причастия от таких глаголов не присоединяют приставку *не-*. Ср.: *просмотренная* (т. е. незамеченная) *ошибка* и **непросмотренная ошибка*. Указанное ограничение не распространяется на причастие с отрицанием *не-*, мотивированное глаголом *просмотреть* в процессно-результативном значении: *непросмотренная газета* (*не прочитанная* бегло, с пропусками).

Ср. формы: *промахнувшийся стрелок* — **непромахнувшийся стрелок*.

Отрицательный элемент значения содержится также в смысловой структуре результативно-тотивных глаголов, выражающих целостное осуществление действия от начала до конца типа *оставить / оставлять* (уходя, не брать с собой). Поэтому, будучи в причастной форме, они не сочетаются с приставкой *не-*. Ср.: *оставленная / оставляемая (книга)* — **неоставленная / неоставляемая (книга)*. Аналогичны соотношения: *отказавшийся / отказывающийся (от чего-то туриста)* — **неказавшийся / неотказывающийся (от чего-то туриста)*. Правда, в последнем случае несочетаемость причастия с приставкой *не-* обусловлена также тем, что глагол *отказаться* не способен употребляться абсолютно, без зависимых слов. При нем может быть лишь частица *не* (*не отказавшийся от поездки туриста*).

В итоге можно заключить, что на лексическом уровне не существует двойного отрижания, эквивалентного утверждению. Языку чужды образования типа *неотсутствующий* (*не + не- присутствующий*) в значении «присутствующий». Удвоение отрижания, приподнявшее к утверждительному смыслу, по-видимому, наблюдается лишь в синтаксисе. Ср.: *Он этого не мог не знать* (*Он это должен был знать*) [5, с. 353–354].

Что касается имплицитного отрижания на уровне лексического значения слова, то выявить его не всегда легко. Дело в том, что граница между положительным и отрицательным в языке во многих случаях размыта. В качестве диагностирующего средства для обнаружения скрытого отрижания нередко используют прием подстановки синонимического сочетания слов с явным, эксплицитным отрижанием: *промахнуться* — не попасть. Однако утверждение одного действия одновременно означает отрижение других, возможных в данной ситуации действий. Например, во фразе *Он сидит* утверждается определенное состояние субъекта, вместе с тем здесь же отрицают-

ся все прочие потенциально возможные состояния человека: *Он лежит*; *Он стоит* и т. п. Таким образом, утверждая одно, мы неизбежно отрицаем другое. Как справедливо отмечал А. А. Шахматов, отрицательный оборот в русском языке совпадал с утвердительным: в предложениях вроде *Он не ходит*, с одной стороны, утверждается, что он не ходит, а с другой — отрицается, что он ходит [8].

Итак, отрицательной приставке не- свойственны определенные ограничения в сочетаемости с причастными формами глаголов разных аспектуальных разрядов и лексико-семантических групп.

Для сравнения укажем, что избирательной сочетаемостью с деепричастными формами глаголов характеризуется и отрицательная частица *не*. В частности, оказывается невозможным ее использование при деепричастиях в роли обстоятельства образа действия, мотивированных глаголами в значениях «положение тела в пространстве» (*лежать, сидеть*), «произнесение себя пассивным свойством» (*бывать, жалеть*), «пребывание в местности» (*жить*) [11]. В целом вопрос о сочетаемости приставки и частицы *не* остается до конца не изученным и нуждается в дальнейших исследованиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боброва Г. А. Ограничения в сочетаемости приставки «не-» с действительными причастиями // Вопросы структуры и функционирования языка: Сб. статей. Томск, 1980. С. 66 — 72.
2. Буланик Л. Л. Категории залога в современном русском языке. Л.: Изд-во Ленинград. ут-та, 1986. 88 с.
3. Земская Е. А. Валентность морфем в понятие продуктивности // Современный русский язык / Под. ред. В. А. Белошапковой. М., 1989. С. 320 — 331.
4. Лопатин В. В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопр. языкоzn. 1966. № 5. С. 37 — 47.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1938. 511 с.
6. Сазонова И. К. Семантический фактор в формироании вторичного лексического значеня слова // Вопр. языкоzn. 1971. № 6. С. 103 — 105.
7. Свищунов Н. Т. К разграничению причастий и праязательных (на материале образований типа *незаруженное*) // Грамматическая схематика языковых единиц: Сб. статей. Вологда, 1981. С. 67 — 77.
8. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз. 1941. 620 с.
9. Шелакин М. А. Способы действия предикатных глаголов // Теория функциональной грамматики. Л., 1987. С. 73 — 85.
10. Шагуров В. И. Отпричастные прилагательные с отрицанием // Рус. яз. в школе. 1989. № 6. С. 68 — 74.
11. Шагуров В. В. Отрицательная частица *не* с деепричастными формами глаголов различных способов действия в аспекте адвербализации // Валентность и сочетаемость на синтаксическом уровне языка и речи: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Могилев, 1991. С. 51 — 52.

Правоведение

ЛИЗИНГ В АВТОТРАНСПОРТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

С. В. РОДИНА, старший преподаватель

В автотранспортном обслуживании клиентов можно использовать договорные формы, удачно применяемые в странах с развитой рыночной экономикой. В США лизинговые отношения существуют с 1952 г., а в Западной Европе они получили широкое распространение в последующие 20 лет. По данным Европейского объединения лизинговых фирм, в которое входят 933 субъекта, ежегодный объем лизинговых операций в 1989 г. во Франции достиг 14 млрд. долларов, в ФРГ — выше 7, Италии — около 6, в Швеции — выше 3 [5]. По другим данным, в Западной Европе в сфере лизинга лидирует Германия, объем лизинговых сделок в которой в 1991 г. превысил 50 млрд марок. [3]. Развитие лизинга, несомненно, позволит совершить мощный скачок, причем качественный, в хозяйственных отношениях.

Лизинг представляет собой трехсторонний комплекс отношений, т. е. сделку, в которой лизинговая компания по просьбе и указанию пользователя приобретает у изготовителя оборудование или технический объект (предметы длительного пользования), которые затем сдает пользователю во временное пользование. Операции строятся по следующей схеме: 1) пользователь сообщает лизинговой компании, какое имущество ему необходимо, нередко самостоятельно выбирая оборудование и поставщика, не рассчитывая на опыт и суждения лизингодателя; 2) лизинговая компания покупает это оборудование у фирмы-изготовителя или оптовой фирмы; 3) лизинговая компания, став собст-

венником оборудования, передает его во временное пользование на основании отдельного контракта за плату. Данную договорную структуру следует рассматривать как самостоятельный правовой институт, а не разновидность уже существующих или их комплекс

Различают несколько видов лизинга: краткосрочный — рентинг (от 1 часа до 1 месяца); среднесрочный — хайринг (от 1 месяца до 1 года); собственно лизинг — выше 1 года. Максимальный срок указывается в законе и не превышает, как правило, 3 лет.

Лизинговые отношения могут складываться относительно нового оборудования и уже использованного. В зависимости от набора услуг лизинг бывает ограниченный, полный, когда предоставляют необходимые для функционирования услуги, а также чистый, когда дополнительные услуги не предоставляются. Эти отношения могут различаться объектом договора — оборудование, транспорт, жилье и т. д.; во внешнекономической деятельности различают экспортный, импортный, транспортный лизинг.

Оборотный лизинг характеризуется тем, что лизинговая фирма приобретает у владельца оборудование и сдает его в аренду ему же.

Лизинг поставщика заключается в том, что лизинговая фирма приобретает у изготовителя продукцию, сдаёт её в аренду производителю, который в свою очередь сдает продукцию в субаренду лизингополучателю.

При сложном лизинге две и несколько фирм объединяются для фи-

нансирования крупной операции по лизингу, что не смогло бы сделать каждое из этих учреждений в отдельности. Объектом подобной сделки чаще всего являются оборудование для предприятий по коммунальному обслуживанию, парки грузовых автомашин, подвижной железнодорожный состав, корабли и т. д.

Оперативный лизинг возможен в том случае, если фирма-производитель заинтересована не в продаже своей продукции, а в сдаче ее в аренду и последующем обслуживании. Договор аренды заключается на 3 — 5 лет и может быть расторгнут арендатором в любое время, благодаря чему последний имеет возможность быстро «переключиться» на использование более современного оборудования.

При лизинге недвижимости фирма создает крупный целевой объект — магазин, цех. После окончания срока аренды, составляющего 15 — 20 лет, объект может быть продан арендатору.

В случае финансирующего лизинга специализированная лизинговая компания сдает в аренду такие рыночные инвестиционные товары, как автомобили, самолеты. Срок аренды составляет, как правило, от 2 до 6 лет, и договор не может быть расторгнут до его окончания. Службы технического обслуживания и ремонта разделены. В общем договоре о лизинге для арендатора предусматривается возможность покупки арендных товаров.

Экономические преимущества в договоре лизинга арендатора очевидны: возможность освобождения лизинговых платежей от налогообложения, сбережение собственного капитала, широкий круг услуг, оказываемых арендатору, независимость ставок по лизингу в течение договорного срока, возможность совершенствования лизинговых платежей из доходов от эксплуатации оборудования.

В бельгийском законодательстве указываются следующие признаки лизинга: 1) оборудование используется арендатором исключительно в про-

фессиональных целях; 2) имущество должно быть куплено арендодателем специально для аренды в соответствии со спецификациями будущего арендатора; 3) срок аренды по договору должен корреспондировать предполагаемому сроку эксплуатации оборудования; 4) плата за аренду должна устанавливаться таким образом, чтобы в течение ее срока произошла амортизация арендованного оборудования; 5) договор должен предусматривать право арендатора приобрести оборудование по окончании срока аренды за указанную в договоре цену, которая должна соответствовать его предполагаемой остаточной стоимости [1].

При включении в договор лизинга опциона на покупку он перерастает в договор купли-продажи. Опцион можно рассматривать как одностороннее обязательство о продаже оборудования. Если покупатель (будущий) изъявляет намерение приобрести оборудование в собственность, то обязательство перерастает в договор купли-продажи, который нет необходимости заключать специально, так как имущество переходит в его собственность на основании передаточного акта.

Лизинг дает возможность пользователю в течение срока действия договора ознакомиться с работой оборудования, испытать его в эксплуатации, а затем, если оно отвечает необходимым требованиям, приобрести его в собственность с учетом ранее выплаченных сумм в качестве периодических взносов. Но включение или невключение в договор опциона на покупку не лишает его особой специфики.

Лизинг выгоден для вновь создаваемых автоперевозочных компаний, не располагающих необходимыми средствами производства (автомобилями, контейнерами). В период действия договора лизингодатель осуществляет техническое обслуживание оборудования, что особенно выгодно для пользователя. Его недостатки выявляются и ликвидируются, в результате повыш-

шается конкурентоспособность продукции, а следовательно, гарантируется ее сбыт, а потребителю нет необходимости содержать ремонтную базу и есть возможность приобретать современные автомобили.

В существующем договорном праве по российскому законодательству можно найти элементы весьма отдаленного сходства договора лизинга с договором аренды. И в литературе договор лизинга рассматривается как договор аренды со специфическими чертами [4, 6, 7], в частности, трактуется как сдача в аренду предметов длительного пользования. Лизинг и аренда — довольно близкие институты. Элемент аренды — передача в пользование имущества — характерен для лизинга, а элемент лизинга — предоставление дополнительных услуг (оказание информационной, консультативной и иной помощи, создание необходимых условий для эффективного использования арендованного имущества и поддержания его в надлежащем состоянии) характерен для аренды.

И тем не менее эти договорные формы различны по своей юридической природе (различны субъектный состав, содержание договоров, наличие в договоре лизинга опциона на куплю и т. д.). По договору аренды ответственность за несвоевременное представление имущества во владение арендатора, за обнаруженные дефекты и прочее несет арендодатель. Он же несет риск его случайной гибели. В договоре лизинга ответственность за нарушение условий, относящихся к предмету договора (качество, несоответствие целям пользователя), обычно несет изготовитель оборудования, который не является стороной по договору лизинга. Риск случайной гибели имущества несет пользователь [2].

Содержание договора лизинга значительно усложняется в результате включения в него опциона на покупку. Пользователь является потенциальным покупателем оборудования, что невоз-

можно при аренде. В аренду сдается обычно не пользующееся у арендодателя спросом имущество, в лизинговых же отношениях включена компания, которая специально по указанию будущего пользователя приобретает имущество у изготовителя с целью его сдачи во временное пользование и получения прибыли.

Автотранспортные предприятия для осуществления перевозок грузов систематически и специализированным транспортом нуждаются в автомобилях должного качества. Купля-продажа средств производства не всегда оправданна, так как связана с крупными затратами и риском приобретения не самого конкурентоспособного товара. Наилучшим решением проблемы является заключение договора лизинга транспортных средств. Объектами лизинга могут выступать контейнеры, многоразовая тара и т. д. Развитие лизинговых отношений во внешнеэкономической деятельности позволит АТП России приобретать автомобили высокого класса из-за рубежа, что будет способствовать качественному обновлению автопарка.

Становлению и развитию нового вида договора в России будет способствовать создание сети лизинговых фирм и необходимой правовой базы. На сегодня лишь в законе РСФСР «О собственности в РСФСР» от 24.12.90 в общей форме закреплена возможность собственника по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом и в связи с этим право совершать в отношении своего имущества любые действия, не противоречащие закону, и использовать его для осуществления любой предпринимательской или иной деятельности, не запрещенной законом. В качестве аналогии закона можно использовать Основы законодательства об аренде, но этого явно недостаточно.

Содержание договора лизинга должно соответствовать целям, которые стороны ставят перед собой. Периодические платежи должны значитель-

но превышать существующие ставки платежей за аренду. Завышенные платежи могут свидетельствовать о том, что в действительности заключен договор купли-продажи и компания стремится быстрее получить стоимость имущества. (Например, автомобиль должен использоваться не в течение всего экономического срока его службы, а следовательно, вопрос о его окончательной судьбе должен решаться задолго до его списания.)

Пользователь не имеет права перемещать или передавать кому-либо оборудование без согласия лизингодателя. Лицо, получившее оборудование, обязано застраховать его на срок действия контракта в пользу лизингодателя. Последний, в свою очередь, гарантирует качество и пригодность оборудования для целей пользования.

При сублизинге должны учитываться интересы других лиц: если сложный лизинг, то партнеров, которые финансировали сделку; клиентуры, если она состоит в долгосрочных отношениях с пользователем.

Срок действия договора устанавливается в контракте, но необходимо иметь в виду ст. 12 Основ законодательства об аренде, в которой предусматривается заключение краткосрочных договоров аренды — на 5 лет и долгосрочных — свыше 5 лет. Срок договора должен позволить лизингодателю вернуть свои капиталовложения, а пользователю — обеспечить эффект от использования оборудования.

Лизингодатель имеет право потребовать отчет о состоянии имущества, что очень важно, если объектом является, например, контейнер (подверженный

риску ломки), автомобиль (являющийся источником повышенной опасности) и др. В договоре можно установить периодичность отчета, в отношении контейнера — необходимость указания его места нахождения в то или иное время с целью осуществления контроля и получения гарантии последующего возврата.

Пользователь занимает в данной договорной конструкции ведущую роль — он является инициатором сделки, выбирает имущество, поставщика и несет практически весь риск собственника, не являясь таковым. Поскольку пользователь сам выбирает оборудование и поставщика, не расчитывая на опыт лизингодателя, всю ответственность за ущерб, причиненный оборудованием, он берет на себя; лизингодатель в этом случае освобождается от ответственности.

Пользователь не вправе расторгнуть или прекратить договор поставки без согласия лизингодателя. Если же оборудование не поставлено, или поставлено с опозданием, или не соответствует условиям договора, то пользователь имеет право отказаться от него либо прекратить договор лизинга.

Лизинговая договорная конструкция может опосредовать автоперевозки грузов двумя способами: либо автотранспортное предприятие получает необходимые средства для перевозки, являясь пользователем, либо автотранспортное предприятие или организация выступает в роли лизингодателя по отношению к клиентам, желающим перевозить грузы, но не имеющим для этого автомашин, контейнеров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: Сб. норм. актов. Обязательственное право: Учеб. пособие / Под ред. В. К. Пучинского, М. И. Кулагина. М.: Изд-во УДН, 1989. 292 с.
2. Кабатова Е. В. Лизинг: понятие, правовое регулирование, международная унификация. М.: Наука, 1991. 130 с.
3. Лизинг в Германии: (По данным газеты «Ди Виртшафт») // Деловой мир. 1992. № 8.

4. Роде Э. Банки, биржи, валюты современного капитализма: Пер. с нем. / Под ред. и с предисл. В. Н. Шонарова. М.: Финансы и статистика, 1986. 341 с.

5. Часовой В. Лизинг // Коммерч. вестн. 1991. № 4. С. 14 — 15; № 5. С. 14 — 15; № 7.

С. 16 — 17; № 9. С. 18 — 20; № 10. С. 18 — 19.

6. Book H. Leasing in Deutschland. Frankfurt a. M., 1965.

7. Laarenz K. Lehrbuch des Schuldrechts. München; В., 1972.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ РИСКА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В. И. САМОРОКОВ, кандидат юридических наук

В уголовном законодательстве Российской Федерации риск отсутствует в перечне обстоятельств, исключающих общественную опасность и противоправность деяния, что не способствует научно-техническому прогрессу, проявлению инициативы и предпримчивости в условиях рыночной экономики. Между тем в УК некоторых зарубежных государств уже есть нормы, регулирующие риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния.

В § 3 ст. 217 УК Польши установлено: «Не совершил преступления, предусмотренного § 1 и 2, тот, кто с целью принести пользу обобществленному хозяйству или же в целях проведения научно-исследовательских работ либо технических или экономических экспериментов действует в границах риска, который, исходя из современного состояния науки, является допустимым, в особенности когда вероятность пользы серьезно превышает вероятность могущего наступить вреда».

В 1982 г. Общая часть УК Болгарии дополнена статьей 13-а, определяющей условия оправданного хозяйственного риска. Согласно ст. 13-а: 1) не является общественно опасным деяние, совершенное при оправданном

хозяйственном риске — в целях получения существенного общественно полезного результата или с целью избежать значительного вреда, если это не противоречит прямому запрещению, предусмотренному нормативным актом, соответствует современным научно-техническим достижениям и практике, не ставит в опасность жизнь и здоровье другого человека, и лицо сделало все от него зависящее для предотвращения наступивших вредных последствий; 2) при решении вопроса, является ли оправданным риск, принимают во внимание и соотношение между предполагаемым положительным результатом и возможными отрицательными последствиями, равно как и вероятность их наступления.

В § 169 УК бывшей ГДР было установлено: «Отсутствуют преступные деяния, предусмотренные § 163 — 168, если: 1) действия были предприняты с тем, чтобы принести значительную хозяйственную пользу или предотвратить значительный хозяйственный ущерб, и действовавшее лицо после анализа всех обстоятельств дела, произведенного с сознанием своей ответственности, могло считать наступившие хозяйственные убытки менее вероятными или значительно меньшими, чем предполагаемая хозяйственная польза

(хозяйственный риск); 2) хозяйственные убытки наступили в рамках предусмотренных или утвержденных государством или иным образом лежащих в сфере ответственности действовавшего лица работ по исследованию и развитию или технико-экономических экспериментов, которые были предприняты с учетом уровня научных знаний и после анализа всех обстоятельств дела, произведенного сознанием ответственности (риск исследования и развития)».

При анализе ст. 13-а УК Болгарии С. Г. Келина справедливо отмечает неоправданную жестокость и категоричность требования о непротиворечии рискованных действий запретам, предусмотренным нормативными актами. «Такое требование явно противоречит социальному смыслу новой нормы, является чрезмерным, ведет к жесткому ограничению инициативной, творческой деятельности. Может быть, поэтому эта норма, по свидетельству болгарских ученых, исключительно редко применяется на практике» [7, с. 15].

Весьма консервативное требование этого уголовного закона не ставить при риске в опасность жизнь и здоровье другого человека фактически блокирует совершение рискованных действий, например, в медицине, спорте, военном деле, космонавтике, ведет к застою, подавлению творческой инициативы, препятствует прогрессу во многих важнейших областях человеческой деятельности. Вряд ли также удачно указание на то, что деяние, совершенное при оправданном хозяйственном риске, имеет целью избежание значительного вреда, так как это не способствует разграничению риска и крайней необходимости.

2. В ст. 27 Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. и в ст. 39 проекта УК РФ содержатся, на наш взгляд, четыре условия, при соблюдении которых риск будет оправданным: 1) рискованное действие совершается для достижения общественно полезной цели; 2) совер-

шенное действие соответствует современным научно-техническим знаниям и опыту; 3) поставленная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями; 4) лицо, допустившее риск, предприняло все возможные меры для предотвращения вреда правоохраняемым интересам.

Поскольку в первом условии речь идет о последствиях рискованного действия, более удачной является редакция ч. 1 ст. 54 теоретической модели уголовного закона: «в целях достижения общественно полезного результата». М. С. Гринберг формулирует это положение так: «Риск признается оправданным, если он предпринимается для достижения важного социального результата» [5].

Однако введение в уголовный закон статьи неопределенного оценочного понятия создало бы трудности для правоприменительных органов. О. Гавяз предлагает, в частности, оправданный риск определить как деяние, совершенное с целью достижения положительных хозяйственных результатов [4, с. 40]. Но при принятии законодателем такого предложения не были учтены наряду с хозяйственным результаты других видов риска.

Ни в Основах 1991 г., ни в проекте УК, ни в научных публикациях нет определения понятий «общественно полезный результат», «общественно полезная цель». С. Г. Келина пишет, что общественно полезный результат как условие риска, по-видимому, не нуждается в особом комментировании [7, с. 15]. Между тем, по нашему мнению, всем условиям правомерности риска необходимо дать официальное толкование после принятия УК, а Верховному Суду РФ дополнительно разъяснить на основе обобщения практики применения этого закона данные оценочные признаки для обеспечения единогообразного их понимания в следственной и судебной практике. Как верно отмечает по этому поводу И. Виннер, «трудности, стоящие перед уголовным правом, заключаются в определении понятия общественно полез-

ной цели и оптимальных способов ее достижения» [3, с. 69].

Представляется, что общественно полезным результатом вследствие правомерного рискованного действия является сохранение и увеличение любых общечеловеческих ценностей как для всего общества, так и для отдельных групп населения или личности. К таким ценностям относятся жизнь, здоровье, нормальная экологическая среда, другие права человека, хозяйственныe, социальные, научные достижения. Эти ценности признаны Всеобщей декларацией прав человека и соответствующими международными пактами и соглашениями по правам человека. В Конституции СССР 1977 г. не были закреплены такие права и свободы, как право на жизнь, здоровую экологическую среду, на необходимый для поддержания жизни, здоровья и благосостояния жизненный уровень, на информацию, свободу убеждений, свободу передвижения и выбора места жительства, возможность покидать страну и возвращаться в нее и т. д. Эти и другие основные права и свободы человека нашли широкое отражение в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РФ 22 ноября 1991 г.

Второе условие правомерности риска требует, чтобы совершенное действие соответствовало современным научно-техническим знаниям и опыту. А. Б. Сахаров, предупреждая догматическое толкование этого условия, правильно комментирует: «Новаторские действия, с совершением которых чаще всего связан производственный риск, могут, разумеется, оправдать научно-технические знания и опыт, накопленные в данной области, но они не должны находиться с ними в прямом противоречии» [10, с. 134 — 135]. По мнению Ю. Ляпунова, действуя в рискованных ситуациях, достаточно опираться на современные достижения науки и техники [8, с. 25]. Следовательно, с этой позиции при реализации рискованной идеи надо лишь использовать достижения науки и тех-

ники. Между тем, например, при производстве хирургической операции действия врачей не должны нарушать научно и практически выверенной и обоснованной методики ее проведения, но в ситуации риска можно применить научно и экспериментально разработанные методы этого хирургического вмешательства, не получившие еще широкого применения в медицинской практике. В таких случаях новые разработки обычно включают элементы прежнего опыта.

Вряд ли можно согласиться с мнением О. Гавяза, возражающего против включения данного условия в закон о риске в уголовный закон, о том, что правоприменительные органы под знаниями и опытом могут понимать разного рода инструкции, директивы, постановления, в том числе и устаревшие [4, с. 40]. При необходимости для оценки соответствия рискованного действия современным научно-техническим знаниям и опыту может быть назначена экспертиза. Естественно, имеются в виду не знания и опыт лица, совершающего рискованный поступок; критерием являются современные теоретические и практические достижения в конкретном виде человеческой деятельности. В то же время невключение в уголовный закон о риске указанного условия может привести к опасному волюнтаризму, а границы между правомерным и преступным риском окажутся размытыми.

Третье условие правомерности риска заключается в том, что общественно полезный результат не мог быть достигнут не связанными с риском действиями. Ю. Ляпунов отмечает возможность достижения той или иной цели в подавляющем большинстве случаев без риска. «Но для этого потребуются, скажем, не месяцы, как при риске, а годы, не десятки, а сотни тысяч рублей производственных затрат» [9, с. 32]. Высказанное далее автором предложение не включать данное условие в норму о риске представляется необоснованным. При его выполнении имеются в виду разумные временные и экономические критерии,

а в ряде случаев большая вероятность сохранения невосполнимых ценностей без риска, хотя это и может быть связано со значительными материальными затратами.

Это положение может быть подтверждено примером. Как известно, операция у человека связана с риском осложнений, но может также привести к радикальному излечению застарелой хронической болезни. При наличии эффективных лекарств и других не хирургических средств воздействия, требующих даже длительного применения, врач обязан принять решение проводить курс консервативного лечения, а не операцию. Именно таким образом можно избежать причинения вероятного вреда больному.

В то же время рассматриваемое условие применяется неоднозначно, в зависимости от вида риска. Так, при реализации некоторых хозяйственных задач без риска требуются большой период времени и крупные экономические затраты. Поэтому здесь творческий оправданный риск, разумеется, с соблюдением требований безопасности, должен поощряться.

В любом случае лицо, допустившее риск, обязано принять все возможные меры для предотвращения вреда правоохраняемым интересам. Ю. В. Баулин пишет, что «здесь речь должна идти не обо всех объективно возможных мерах предосторожности в подобных случаях, а лишь о тех, которые были реально возможны в данной обстановке», подчеркивая одновременно невозможность неизбежности вреда при правомерном риске [1, с. 229]. Однако если человек не может обеспечить в конкретной обстановке какую-либо из важнейших мер предосторожности, а это в значительной мере повышает вероятность причинения вреда, он не имеет права на рискованные действия.

По тем же основаниям весьма уязвима позиция Ю. Ляпунова, отвергающего данное условие риска, потому что вообще неприемлемо «требовать от лица в экстремальной обстановке причинения вреда предпринять объек-

тивно все возможные меры для его предотвращения» [9, с. 32]. В конечном счете автор в предлагаемой им редакции нормы о риске фактически не раскрывает юридических признаков риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния, полагая достаточным указание в законе на то, что рискованное действие осуществляется «в условиях обоснованного и оправданного риска» [9, с. 32].

Ф. Бражник высказывает мнение о том, что анализируемое условие правомерности риска в случае включения его в уголовный закон сведет эту норму права на нет. «На самом деле, если бы лицо приняло все меры для предотвращения вреда, то он не наступил бы, а коль скоро наступил, значит, не были приняты все меры для его предупреждения. Значит, виновный подлежит уголовной ответственности. С другой стороны, что понимать под всеми возможными мерами? Идет ли здесь речь об объективных или субъективных возможностях? Такую неопределенность не следует закладывать в норму права» [2, с. 26]. Автор предлагает изложить это условие в ч. 2 ст. 26 проекта Основ уголовного законодательства в следующей редакции: «Лицо, допустившее риск, не могло предвидеть причины, породившие причинение вреда правоохраняемым интересам» [2].

Приведенные доводы, на наш взгляд, неубедительны. Совершая рискованный поступок, человек не должен действовать самонадеянно или небрежно. В случае самонадеянности лицо не руководствуется современными научно-техническими знаниями и опытом, в легкомысленно рассчитывает на обстоятельства, которые сами по своей сущности не могут в достаточной мере предотвратить наступление общественно опасных последствий. Как верно отмечает М. С. Гринберг, субъект правомерного риска обязан принимать меры к тому, чтобы создаваемая им опасность локализовалась определенными границами и существовали реальные шансы на предотвращение вреда [6, с. 158]. Следо-

вательно, вред при риске наступает в результате недостаточного научного и практического познания на этом этапе развития общества определенных закономерностей объективного мира. А поэтому, действуя рискованно в усло-

виях неопределенной ситуации, лицо не может абсолютно верно определить возможность причинения вреда вследствие созданной опасности, что, на наш взгляд, исключает уголовную ответственность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баулин Ю. В. К вопросу о профессиональном и хозяйственном риске в проекте Основ уголовного законодательства // Правовое государство. Тарту, 1989. Вып. 1. С. 226 — 231.
2. Бражник Ф. Некоторые нормы проекта требуют совершенствования // Соц. законность. 1989. № 3. С. 27 — 29.
3. Виннер И. Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность действия // Современные тенденции развития социалистического уголовного права. М., 1983. С. 62 — 75.
4. Гавяз О. Понятие оправданного риска требует уточнения // Радянське право. 1989. № 9. С. 39 — 40.
5. Гринберг М. С. Об обстоятельствах, исключающих преступность действия // Соц. законность. 1989. № 3. С. 29.
6. Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности / Свердл. юрид. ин-т. Свердловск, 1974. 177 с.
7. Келина С. Г. Профессиональный риск как обстоятельство, исключающее преступность действия // Сов. юстиция. 1988. № 22. С. 14 — 15.
8. Ляпунов Ю. Категория «преступление». Предложения к проекту нового уголовного законодательства // Соц. законность. 1987. № 7. С. 23 — 25.
9. Ляпунов Ю. Реформа уголовного законодательства и пробелы права // Сов. юстиция. 1989. № 3. С. 31 — 32.
10. Сахаров А. Б. Обстоятельства, исключающие преступность действия // Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 119 — 138.

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В. В. НИКИШИН, аспирант

Одним из показателей решаемости экологических проблем является качество окружающей природной среды, которое выступает основой дифференциации видов экологически значимого поведения по способам социальной регуляции. Системность объекта воздействия предопределяет наличие системы таких способов, в том числе средств права и морали.

Возникает необходимость создания четкой конструкции экологической ответственности при условии использования права и морали в регуляции девиантного поведения. Гарантией динамики института экологической ответственности послужат как разработ-

ка и внедрение позитивной ответственности за результаты экологической полезной деятельности, так и выявление социальной необходимости принудительного воздействия на нарушителей экологических норм.

Предлагаемая концепция экологической ответственности заключает в себе обязательный принцип: ответственность наступает только в случае отклонения от нормы, совершения поступков, превышающих «нормальные» требования, либо поступков, экологически вредных, нарушающих «норму». Норма — деятельность человека, которая **сохраняет определенное качество окружающей природной среды**.

Постановка вопроса об исследовании позитивного аспекта ответственности в сфере экологии вызвана не только общефилософским подходом к указанному явлению, но и меняющимся отношением человека к природной среде.

Экологически оправданным может быть лишь такое развитие цивилизации, которое обеспечивает необходимый уровень потребления при условии сохранения соответствующего уровня потребления последующих поколений. Отсюда вытекает потребность перехода от пассивного ожидания все большего ухудшения качества окружающей природной среды к активному ее восстановлению. Смена ориентации означает переоценку взглядов на экологическую ответственность только как на негативную реакцию общества и государства на экологически вредное поведение. Отношение к деятельности, влекущей деградацию окружающей природной среды, должно стать более нетерпимым, что повлечет ужесточение наказания и вызовет необходимость стимулирования экологически полезной деятельности.

Решение экологических проблем предполагает пересмотр приоритетов развития цивилизации, прежде всего с нравственных позиций. Позитивная экологическая ответственность будет нести в основном нравственную нагрузку, т.е. опираться на механизм моральной регуляции экологически значимого поведения.

В юридической литературе по проблемам экологии существует мнение о необходимости концептуальной разработки эколого-правовой позитивной ответственности, признается, что этому аспекту в отличие от вопросов правонарушения и негативной юридической ответственности удалено недостаточно внимания [2, с. 24]. Такое положение объясняется, на наш взгляд, отсутствием четкой концепции позитивной ответственности в теории права.

Понятие негативной ответственности, т. е. ответственности за прошлое нарушение социальных норм, является в правоведении традиционным. Ее

характер связывается с государственным принуждением, обязанностью правонарушителя претерпевать лишения личностного и имущественного характера за упречное с точки зрения закона поведение.

Существенно меняется трактовка юридической ответственности при внесении в нее элементов долга ответственного лица перед обществом и государством наряду с отрицательной оценкой и ответственными мерами взыскания к нарушителю, что означает перенос категории ответственности из сферы права в сферу правосознания. Однако чувство ответственности не предполагает обязанности следовать требованиям социальных норм, основанной на принуждении.

Существующая тенденция к широкому пониманию юридической ответственности привела к стремлению объединить в рамках этой категории все признаки и особенности, присущие другим видам социальной ответственности. На наш взгляд, опасения, что дальнейшая разработка этого направления приведет к стиранию весьма существенных качественных отличий юридической ответственности от других явлений, граничащих с ней, вполне оправданы. Очевидно, что подобная концепция в случае ее реализации негативно скажется на правоприменительной практике, в том числе природоохранной, поскольку придется решать нравственные задачи неприемлемыми для них правовыми методами, а юридические — «обеспечивать» потенциальными возможностями морали. Имплицитное присутствие в правовых нормах морали не дает основания расширенно толковать юридическую ответственность путем включения в нее элементов, присущих моральной системе регуляции.

Иначе обстоит дело с формированием концепции позитивной юридической ответственности, которая построена на ее понимании как обязанности отдавать отчет в своих действиях. Позитивная ответственность связана с правовой активностью, обязанностью совершать общественно полезные дей-

ствия при наличии помощи, поддержки со стороны государства и общества [4, с. 231]. Подобная характеристика наиболее близка к предложенной нами концепции социальной ответственности. Однако В. Н. Кудрявцев связывает позитивную юридическую ответственность не только со стимулированием, поощрением, но и с юридическим признанием, обеспечением правомерного поведения, что не укладывается в предложенную схему и не представляет, по нашему мнению, мер позитивной ответственности.

Критика двухспектного понимания юридической ответственности основывается, как правило, на противопоставлении негативного и позитивного аспектов. Последний предлагается понимать как начальную стадию ответственности, наступающую при правомерном недевиантном поведении и предусматривающую соизмерение субъектом своего поведения с нормами права, предвидение неблагоприятных последствий и предотвращение их [3, с. 77]. Тем самым ответственность связывается с нормальным поведением, когда отсутствуют меры социального контроля, который применим лишь при отклонении от нормы.

Рассмотрение юридической ответственности как обязанности поступать в соответствии с предписаниями правовых норм привело к неправомерному выводу о существовании ответственности за их исполнение, с одной стороны, и нарушение — с другой, где заключительным этапом признается применение мер государственного принуждения [1, с. 47]. Многократно повторяется ошибка, заключающаяся в исследовании позитивной ответственности через механизм негативной, что, по мнению О. Э. Лейста, препятствует концептуальному становлению первой как самостоятельного явления [5, с. 216].

Позитивная эколого-правовая ответственность не может быть представлена как начальная стадия негативной, так как наступает при поведении, имеющем результатом улучшение ка-

чества окружающей природной среды. В ее основе лежит «позитивная обязанность», обеспечивающая не принуждением, а мерами поощрения. Представляя собой самостоятельное явление, позитивная эколого-правовая ответственность имеет право на существование лишь при наличии в правовых нормах обязанностей, обеспечивающих не только сохранение существующего качества окружающей природной среды или нанесение ей минимального вреда, но и экологически полезный результат. Эти обязанности не могут обеспечиваться принуждением, поскольку имеют целью экологически значимое поведение, превосходящее обычные требования.

Следует отметить, что число подобных норм в экологическом законодательстве невелико. Большинство их несет обязанности, обеспеченные принуждением. При всей своей значимости концепция позитивной эколого-правовой ответственности как средства социального контроля за экологически значимым поведением, не нашла отражения в экологическом законодательстве, которое содержит лишь предпосылки ее формирования.

Эффективность правовых средств охраны окружающей среды во многом будет зависеть не только от их научной обоснованности, но и от нравственного потенциала, моральной интерпретации в общественном сознании. Не преувеличивая роли и возможностей морали в обеспечении эффективности правового воздействия на экологически значимую деятельность, следует выделить основную тенденцию движения эколого-правовой системы — создание и внедрение новой экологической концепции биоцентризма, которая составит моральную основу законодательства об охране окружающей среды.

Кризисное состояние общественной нравственности не дает оснований полагаться на полное обеспечение ею регулятивных свойств. Экономическая и социально-политическая нестабильность общества непосредственно влияют на состояние механизма мо-

рально-правового воздействия. Его эффективность будет определяться

ходом создания гражданского общества и правового государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бернштейн Д. И. Правовая ответственность как вид социальной ответственности и пути ее обеспечения. Ташкент: Фан, 1989. 148 с.
2. Кравченко С. Н. Социально-психологические аспекты правовой охраны окружающей среды. Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1988. 154 с.
3. Краснов М. А. Юридическая ответственность — целостное правовое явление // Сов. го-во и право. 1984. № 3. С. 73 — 77.
4. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 288 с.
5. Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М.: Изд-во МГУ, 1981. 240 с.

~~~~~ География

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ МОРДОВИИ

А. В. КАВЕРИН, кандидат географических наук

Экологическое планирование — новое для нашей страны научно-прикладное направление, хотя государственные планы по охране окружающей человека среды составлялись и прежде. Различия заключаются в том, что государственное планирование осуществляется сверху вниз, тогда как экологическое начинается с конкретных хозяйств и территорий, продолжаясь по пространственной иерархии вплоть до страны в целом, но, как правило, заканчиваясь на более низком уровне, идеально в рамках речных бассейнов и иных естественных рубежей. По определению Н. Ф. Реймерса [15], экологическое планирование — расчет потенциально возможного изъятия или иной эксплуатации природных ресурсов или территорий без заметного нарушения существующего или намечаемого хозяйственном целесообразного экологического равновесия и без нанесения одной хозяйственной отраслью существенного ущерба другим в случае совместного использования ими

естественных благ. Цель экологического планирования — получение максимального натурального продукта и экономического эффекта при минимуме экологического ущерба, желательно при сохранении имеющегося или планово зафиксированного экологического баланса.

Экологическое планирование земельных ресурсов дополняет планировку земель и по содержанию совпадает с ландшафтным землеустройством [11, 12, 13, 14]. Устройство агроландшафтов является логическим продолжением землеустройства, т. е. землеустройством более высокого порядка, базирующимся на принципах ландшафтной экологии и призванным установить экологически и экономически оптимальные структуры и соотношения земельных угодий, их размещения и устройства в совокупности со всеми компонентами агросфера [13]. Роль экологического планирования земель, равно как и ландшафтного землеустройства, заключается в том, чтобы на

основе изучения энергетических обменных процессов, установления степени взаимосвязи и взаимовлияния различных компонентов и факторов в агроландшафте, связав их с системой земледелия и организацией территории, выйти на конструирование экологически устойчивых ландшафтных агроресистем применительно к конкретному пространству, в частности к территории Мордовии.

Общая земельная площадь Мордовской ССР — 2612,7 тыс. га. По состоянию на 1 ноября 1990 г. 1615,8 тыс. га (61,7 %) составляли сельскохозяйственные угодья. Площадь пашни — 1216,6 тыс. га, многолетних насаждений (сады и ягодники) — 4,7, сенокосов — 62,1, пастбищ — 329,5, залежей — 2,9 (соответственно 46,5; 0,2; 2,4; 12,5; 0,1 % от общей площади).

На каждого жителя Мордовии в 1990 г. приходилось 1,26 га наиболее ценных угодий — пашни. Для сравнения интересно привести некоторые цифры. Так, в соседней Чувашии этот показатель составляет 0,64 га, Нижегородской области — 0,63, Ульяновской — 1,45, Рязанской — 1,50, Пензенской — 1,70, в среднем по Волго-Вятскому региону — 0,94, а по России — 0,91 га. В государствах с более развитым сельским хозяйством эти цифры значительно меньше: в США — 0,60 га, Венгрии — 0,50, Нидерландах — 0,05, Японии — 0,04, Китае — 0,11 га.

В отличие от многих государств и областей, для которых характерна тенденция к постоянному сокращению площади пашни на душу населения, в Мордовии этот показатель до 1970 г. возрастал и остается почти неизменным в течение последних лет (в 1929 г. он был равен 1,04 га, в 1940 — 1,06, в 1970 — 1,26, в 1980 — 1,30 га). Увеличение площади пашни на душу населения в нашей республике происходило в основном за счет снижения численности населения, которая с 1929 по 1990 г. сократилась более чем на 400 тыс. человек. Площадь пашни за этот же период уменьшилась на 180,9 тыс. га за счет отвода земель для

нужд промышленности, городского, транспортного, гидротехнического строительства. Причем нередко на эти цели изымалась самая продуктивная пашня. Перевод пашни в другие категории угодий был очень вспомогательный. К настоящему времени земель, пригодных для увеличения пашни, в республике практически не осталось. Показатель распаханности в Мордовии самый высокий в Волго-Вятском экономическом районе, однако он несколько ниже, чем в Поволжском и Центральном экономических районах. Распределение пашни, леса и других природных угодий на указанных территориях завершилось в основном 100 лет назад. Уже в 1887 г. пашня в Нижегородской губернии занимала 42,5 %, Симбирской — 52,5 %, Пензенской — 62,4 % [5].

Исторический анализ использования земельных ресурсов территории Мордовии показывает, что освоение их происходило стихийно иineизбежно сопровождалось такими разрушительными процессами, как линейная и плоскостная эрозия почв. В конце I тысячелетия н.э. начался переход к пашенному земледелию. Появились ландшафты с совершенно измененной растительностью — поля, которые вместе с пастбищами к концу XVII в. занимали около 60 % территории [2]. Такая природно-антропогенная система давала значительный хозяйственный эффект — обеспечивала достаточные запасы хлеба. Эффект мог бы возрасти и дальше, если бы на остальной площади сознательно или стихийно были сохранены относительно нетронутыми «дикие» природные комплексы, поддерживающие разнообразие и устойчивость всей социоэкологической системы. Однако этого не произошло.

XVIII в. ознаменован массовым сведением лесов в связи с развитием на территории республики поташного производства [21]. Поскольку все равнинные степные участки к XIX в. были распаханы, увеличение посевных площадей шло за счет сведения лесов и распашки склонов. XVIII и XIX вв.

характеризуются началом активного проявления эрозионных процессов на всей территории республики [3]. Бедственное положение усугублялось засухами. Урожайность зерновых колебалась по годам от 0,13 до 1,31 т/га. Кризис достиг апогея к началу 30-х гг. XX столетия, когда доля пашни на территории Мордовии составила 59,1 %, а лесистость упала до самой низкой отметки — 23,3 %; площадь оврагов и эродированных балок составляла 149 637 га [24].

В 50-е гг. в земледелии Мордовии продолжался процесс экстенсификации. Уменьшились площади «диких» экосистем, до 9 % сократилась облесенность водосборов [6]. Эти элементы антропогенного давления на экосистемы определили неблагоприятную экологическую обстановку в агроландшафтах Мордовии. Бурно прогрессировали эрозионные процессы. Площадь эродированных земель составила 518,5 тыс. га, из которых 359,5 тыс. га — пашни [23]. Ежегодно из их состава вследствие развития эрозии выбывало до 400 га [16].

В конце 60-х гг. процесс снижения продуктивности агроэкосистем на рассматриваемой территории начал затушевываться процессами технической и химизации сельского хозяйства, связанными с увеличением расходов средств в 1,5 раза за каждую пятилетку. Однако и при высоких темпах роста капитальных вложений биологическая производительность региональной социоэкологической системы оставалась низкой, неустойчивой и не удовлетворяла требованиям времени. Так, урожайность зерновых за последние 10 лет колеблется от 1,28 до 1,83 т/га. В отдельные засушливые годы валовой сбор и урожайность основных личевых культур падают до уровня 1930 г. и ниже.

Низкопродуктивное растениеводство не в полной мере обеспечивает животноводство кормами. В кормопроизводстве низка доля естественных сено-косов, многолетних и однолетних трав. Свыше 70 % кормов производится на пашне, но урожайность кормовых куль-

тур остается невысокой. Очень низка продуктивность пастбищ — 0,3 — 0,5 т/га сухой массы [8]. Пастбищные агросистемы страдают от перенаселения. Если допустимые нагрузки на естественные пастбища северной и типичной лесостепи равны соответственно 2,3 и 1,5 условной головы на гектар [17], то по Мордовии они фактически составляют в среднем 2,5 головы, а в некоторых районах 4 — 5 голов. Поэтому выход продуктов животноводства передко обеспечивается за счет скормливания соломы и покупного зернофуража.

В создавшихся условиях не дают должной отдачи внедренные мероприятия по мелкотравии земель, механизации и химизации отрасли, совершенствованию технологий возделывания сельскохозяйственных культур. Дело в том, что они преследуют в основном экономические цели. Прав профессор М. И. Лопырев [13], считая, что современные агротехнические мероприятия, как бы они ни были хороши, при нарушенном агроландшафте можно сравнить с добротной отделкой квартиры в аварийном доме.

Кроме того, интенсивные технология возделывания сельскохозяйственных культур при неадекватной структуре землепользования очень энергоскви. Специальные исследования [10] позволили выявить, что в нарушенных агроландшафтах энергоотдача земледелия значительно ниже, чем в культурных. Самое важное, они показали, что на территории республики имеются многочисленные уголья, которые хотя и используются под пашню, но из-за неблагоприятных экологических условий для процветания сельскохозяйственных культур требуют столь высоких затрат на обработку и уход, что представляется экономически более выгодным передать их под залужение или облесение. Это в первую очередь пахотные земли на склонах с сорняками и сплошь-сорняк лесными, щебечатыми и смытыми почвами. Их использование под возделывание зерновых расточительно.

Согласно Земельному кадастру Мордовской АССР 1970 г., таких зе-

мель в республике 23,5 % [17]. Они, как правило, распространены на повышеннях, плато, подораздельных склонах. Возделывание ограниченного набора сельскохозяйственных культур на этих землях возможно лишь при строгом выполнении специальных весьма трудоемких и материалоемких агротехнических мероприятий (вспашка с постепенным углублением пахотного слоя и одновременным внесением повышенных доз органических и минеральных удобрений, вспашка без обрачивания пласта, обвалование и лункование паров и яби, прерывистое бороздование яби, посевы буферных полос из многолетних трав и т. д.). Большинство этих мероприятий на практике трудно выполнимы из-за отсутствия или недостатка специальной техники и орудий для обработки эрозионноопасных земель, дефицита органических и минеральных удобрений.

Неподходящность использования подобного рода почв под посевы зерновых культур в Мордовии полностью подтвердилась и при составлении шкалы оценки почв немелиорированной пашни по эффективности возделывания сельскохозяйственных культур [25]. Согласно этой шкале, средняя урожайность зерновых за 1971—1977 гг. на вышеописанных почвах составляла всего от 0,38 до 0,52 т/га. Нами же подсчитано, что энергетические затраты на возделывание зерна окупаются в условиях Мордовии при урожайности не ниже 1,05 т/га.

Из вышеприведенного следует вывод, что стихийно сложившаяся структура земельных угодий Мордовии далека от оптимальной и требует коренного совершенствования. Очевидна излишняя распаханность, которая и экологически, и экономически обедняет природно-территориальный комплекс республики. Этот «застойный» показатель продолжает пока держаться благодаря одностороннему чисто экономическому подходу к землеустройственно-му делу в республике и сохраняющему силу административному стилю управления в сельском хозяйстве. В этих условиях отвести под залужение, облесение или сады даже сильно эродированные земли непросто.

Однако положительные тенденции наметились. Исполкомы районных Советов начинают проявлять самостоятельность в перераспределении земель. Так, в 1991 г. исполнком Ардатовского райсовета выделил под многолетние насаждения (сады и плододобывающие) совхозу «Мордовский» 229 га малопродуктивной пашни из землепользования колхоза имени XVIII партсъезда [20]. Не исключено, что этому примеру последуют другие хозяйства и районы. Существенную трансформацию земельных угодий должны повлечь за собой процессы фермеризации сельского хозяйства и передачи земли в частную собственность. При этом, по нашим прогнозам, пахотный клин республики уменьшился на 164 тыс. га, или примерно на 13,5 %, и трансформируется в сенокосы, пастбища, сады, а в некоторых случаях и в лесные угодья.

Безусловно, этот процесс должен контролироваться и реализовываться на основе землеустроительного проектирования, выполненного с учетом соблюдения принципов экологического планирования, главным из которых является принцип геоэквивалентов — необходимости возврата в природную среду изымаемого вещества и энергии в процессе преобразовательной деятельности [1]. Применительно к сельскому хозяйству это означает, что природно-техническая система, создаваемая или восстанавливаемая человеком, например, на месте вырубленного леса, должна быть эквивалента лесной по составу и массе вещества, а еще лучше — превосходить ее по интенсивности процессов взаимообмена с окружающей средой и по биологической продуктивности, энергетический потенциал ее должен быть не менее потенциала исходной преобразованной экосистемы.

В соответствии с принципом геоэквивалентов трансформацию земель в Мордовии, т. е. вывод из-под пашни, облесение и залужение малопродуктивных земель VIII, IX и X классов

бонитета, необходимо осуществлять по правилу: лесной земле — леса и сады, степной — луга. Для этого необходимо в каждом хозяйстве ту часть пашни X класса бонитета, на которой механизированная обработка почвы затруднена (промоины, крутые склоны и т. п.), перевести под лес. Остальную пашню X класса бонитета и всю пашню IX класса целесообразно путем залужения с длительным сроком использования под многолетними травами перевести под сенокосы, а пастбища, а на пахотных землях VIII класса бонитета ввести почвозащитные севообороты, увеличив долю площадей под многолетними травами до 50 % и более.

Главный экономический эффект от предлагаемого мероприятия заключается в том, что сокращение пашни на худших землях позволит без привлечения дополнительных средств интенсифицировать до оптимума земледелие на лучших землях. При этом заметно расширяются площади для животноводства — площадь сенокосов может увеличиться на 25,2 тыс. га, пастбищ — на 49,8 тыс. га. И в этом тоже есть особый эколого-энергетический эффект. Расчеты ученых [18] показывают, что замена пашенных агротехнических систем травяными позволяет сократить энергетические и другие затраты на производство растениеводческой продукции в 3 раза. А опыт колхоза им. Калинина Атяшевского района подтверждает, что залужение пашни VIII — X классов бонитета при минимальных хелиорациях (водных и химических) позволяет получать в среднем 6,62 т/га сена и 28,07 т/га зеленой массы при пастбище.

При реализации программы трансформации структуры сельскохозяйственных угодий определенную часть площадей (дифференцированно для каждого конкретного хозяйства) необходимо отвести под многолетние насаждения. Сады и ягодники целесообразнее всего разместить на склоновых землях с глинистым и тяжелосуглинистым механическим составом, где возделывание других сельскохозяйствен-

ных культур затруднено. По расчетам специалистов [19], площадь под садами в МССР целесообразно довести до 22 — 25 тыс. га.

И, наконец, необходимо отметить, что гарантией высокой продуктивности агротехнических систем Республики может стать лишь стройная система лесомелиоративных мероприятий. Пока же масштабы лесоразведения сокращаются, несмотря на то, что полезащитных насаждений здесь в четыре раза меньше необходимого. Эколого-экономический ущерб от этого огромен. Урожайность на полях с лесными полосами в Мордовии может быть в 1,5 раза выше, чем на безлесных [4]. Создание законченной системы лесозащиты позволит дополнительно получать по 200 — 300 тыс. т зерна в год. Речь идет лишь о 102 тыс. га, или 3,9 % общей территории Мордовии, которой необходимо возвратить леса. Реализовать это можно сравнительно быстро и даже с экономической выгодой, если включиться в российско-германскую программу «Оздоровление климата благодаря лесу» [9, 22].

Нынешняя величина площади пахотных угодий в республике неоправданна ни с экологической, ни с экономической точек зрения. В ряде районов до 70 — 80 % территории составляют пашни, что является причиной значительного нарушения экологического баланса. В развитых зарубежных странах раслаханность не превышает

Таблица
Предлагаемые изменения в структуре сельскохозяйственных угодий Мордовской ССР

Угодье	На 1 ноября 1990 г.		После опти- мизации	
	площадь, тыс. га	% к общей площа-ди	тыс. га	общая площа-ди
Пашня	1216,6	46,5	1052,2	40,0
Многолетние насажд.	4,7	0,2	23,5	0,9
Сенокосы	62,1	2,4	87,3	3,2
Пастбища	329,5	12,5	378,3	14,3
Залежь	2,9	0,1		
Итого	1615,8	61,7	1541,3	58,4

30 % их территорий, а чаще бывает вдвое меньше этого показателя.

В результате реализации предлагаемых мероприятий по эколого-экономической оптимизации землеустройства структура земельных угодий Мордовии претерпит существенные изменения (табл.). Предполагаемый эффект — прирост валового сбора сельскохозяйственной продукции на 69 %

по сравнению с современным уровнем.

Таковы общие черты предложений по экологическому планированию земельных ресурсов в региональном (Мордовская ССР) аспекте, реализовать которые предполагается локально, начиная с конкретных хозяйств и территорий путем внедрения ландшафтно-экологического землеустройства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алкадьев А. М. Развитие, преобразование и охрана природной среды: проблемы, аспекты. Л.: Наука, 1983. 240 с.
2. Астрадамов В. И. Роль антропогенных факторов в изменении природных комплексов и их компонентов (на примере Мордовской АССР). Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Казань, 1973. 24 с.
3. Данилов Г. Г., Азъяшев М. С. Развитие эрозионных процессов и борьба с ними в междуречье Волги и Оки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975. 260 с.
4. Данилов Г. Г., Лобанов Д. А., Каргин И. Ф. Эффективность агромелиорации в Нечерноземной зоне РСФСР. М.: Лесн. пром-сть, 1980. 168 с.
5. Дебков А. П., Бойко Ф. Ф., Можжерина В. И., Часовщикова Д. А. Антропогенные изменения системы процессов экзогенного образования в Среднем Поволжье // Роль и хозяйственная деятельность. М., 1982. С. 60 — 67.
6. Душин А. И. Экологический принцип в исследовании природного комплекса Мордовской АССР // Вопросы географии и этнографии Мордовской АССР. М., 1977. С. 3 — 4.
7. Земельный кодекс Мордовской АССР. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1970. 356 с.
8. Зюзин А. Д., Чигаев А. Д. Мелиорация — путь интенсификации растениеводства. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 104 с.
9. Иссаев А. С. Предложение выгодное, обоснованное и осуществимое // Зеленый мир. 1992. № 21 — 22.
10. Каверин А. В. Биоэнергетическая/оценка эффективности возделывания продуктов земледелия // Вестн. с.-х. науки. 1983. № 6. С. 93 — 102.
11. Клацтаров А. Факторы окружающей среды и их роль в земледелии // Междунар. агро-биоресурс. журн. 1991. № 3. С. 61 — 62.
12. Котлярева О. Г. Надо переходить на агроландшафтное земледелие // Земледелие. 1990. № 6. С. 35 — 36.
13. Лекмиров М. И. Ландшафтное земледелие и землеустройство // Земледелие. 1988. № 10. С. 20 — 22.
14. Оробинский С. А. Ландшафтно-экологические аспекты совершенствования системы земледелия в степных районах Центрального Черноземья: Автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. Воронеж, 1991. 15 с.
15. Реймерс Н. Ф. Природопользование: Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с.
16. Родосская Г. М. География производства, заготовок, хранения и переработки сельскохозяйственной продукции // География Мордовской АССР. Саранск, 1983. С. 212 — 218.
17. Рунова Т. Г., Ахажинов А. Д. Изучение воздействия сельского хозяйства на природную среду (на примере Курской области) // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1982. № 3. С. 30 — 41.
18. Рыхновска М. Влияние деятельности человека на травяные экосистемы на территории ЧССР // Прикладные аспекты программы «Человек и биосфера». Секешфехевар, Будапешт, 21 — 25 апреля 1981. М., 1983. С. 262 — 266.
19. Сивов В. Наш колхозный сад. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. 61 с.
20. Тихонов Н. Будущее совхоза в садах // Сов. Мордовия. 1992. 18 авг.
21. Тонких В. С. Леса Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. 176 с.
22. Шеер Х., Хозенкамп К. Оздоровить климат, вытяживая лега // Зеленый мир. 1992. № 21 — 22.

Фондовые материалы

23. Комплексная программа мероприятий по повышению плодородия почв в колхозах и совхозах РСФСР на 1981 — 1985 гг. М.: Россельхозиздат, 1982. 140 с.
24. Объяснительная записка к схеме лесомелиоративных мероприятий по Мордовской АССР // ИГА МССР, ф. Р-1496, оп. 2, л. 23, л. 1 — 12.
25. Оценка сельскохозяйственных угодий Мордовской АССР / Мин-во с. х-ва МАССР Саранск, 1981. 56 с.

ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

ВЕКТОР СУДЬБЫ [К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГРИГОРИЯ ЯКОВЛЕВИЧА МЕРКУШКИНА]

Наши рассказ — о незаурядном человеке. Природа наделила его множеством талантов — и он ими умело воспользовался. Он запомнился прекрасным организатором — плоды его личной заботы в быстром прогрессе культуры и образования Мордовской республики. Он признавался большим ученым — научные труды его «застолбили» важные вехи развития мордовской нации. Он считался умелым педагогом — его школа олицетворена в целой когорте учеников. Он слыл давновитым драматургом — его пьесы с успехом шли на сценах театров. Наконец, он стоял у истоков Мордовского университета, на протяжении десяти лет был его ректором и много сил вложил в становление головного вуза республики.

Судьба Григория Яковлевича Меркушкина прошла по вектору, проторенному революционным Октябрьским для большинства простых людей той тяжелой поры. Метрика гласит: родился 23 ноября 1917 года в селе Новые Верхиссы ныне Инсарского района Мордовской ССР. Социальное происхождение — как у миллиона россиян: из крестьянской семьи. Рано лишился родителей, хлебнул беспризорного детства, но жила в нем мечта учиться, которая была сильнее всех лишений. Способный, пытливый, упорный, он закончил Инсарскую среднюю школу и поступил в Мордовский педагогический институт. Четыре года учебы не прошли, а пронеслись в вихре студенческих забот и радостей. И вскоре историк Григорий Яковлевич Меркушкин, получивший диплом с отличием, дал свой первый урок в Темниковском педагогическом училище. Позднее он директорствовал в Рыбкинской средней школе, постигая азбуку управления народным образованием.

Когда в грозном 41-м мирная жизнь внезапно оборвалась, Меркушкин пошел добровольцем на фронт. За чужие спины он не прятался и вражеским пулеметом не кланялся. В 1942 году поступил в ряды коммунистов, имевших однединственную привилегию — первыми подниматься в атаку. Через год за храбрость и мужество Григорий Яковлевич удостоился боевой награды — ордена Красного Знамени. На Ленинградском и Калининском фронтах был трижды ранен, лечился в госпиталях и всей душой рвался на передовую. Но в 1944 году из-за тяжелого ранения фронт для демобилизованного из 117

стрелковой дивизии майора Меркушкина стал недоступным — впереди ждали нелегкие тыловые будни.

Мордовская наука, культура, образование только-только становились на ноги и пуждались в целеустремленных и талантливых организаторах. Хорошо образованный, прошедший боевую школу офицер отвечал этим качествам. Его назначили директором Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Григорий Яковлевич не был для своих сотрудников просто старшим по должности, он справедливо полагая, что в науке нет разделения на генералов и рядовых. Он сам активно исследовал историю, культуру и язык мордовского народа, опубликовал несколько научных статей в сборниках трудов института.

В 1946—1950 годах Г. Я. Меркушкин был министром просвещения Мордовской АССР, заместителем Председателя Совета Министров республики, секретарем Мордовского обкома КПСС. На его поечении долгое время находилась обширная образовательная сфера республики — вузы, техникумы, училища, школы, погасившие последние очаги неграмотности (в этот период был осуществлен переход к всеобщему семилетнему образованию); дома культуры, клубы и библиотеки, приобщавшие селян и горожан к занятиям; театры, музеи, творческие союзы, формировавшие потребность в приобщении к искусству, в особенности национальному. Забот хватало, и Григорий Яковлевич сил не жалел. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР, МАССР, членом Мордовского обкома КПСС. Люди тянулись к Меркушкину, ибо видели в нем обширного делом, компетентного и душевного человека. За неустанный труд Родина наградила его орденом Ленина.

Наверное, это был знак судьбы: человек, столь много сделавший для организации в Саранске университета, стал его ректором. Назначение состоялось 1 марта 1960 года. К тому времени Г. Я. Меркушкин обладал вы-

соким рейтингом среди интеллигенции республики. Он был умелым руководителем — прошел все ступени управленческой лестницы. Он был известным доктором — с 1945 года сотрудником с кафедрой основ марксизма-ленинизма Мордовского педагогического института и регулярно выходил с устным словом к взрослой и молодежной аудитории. Он был авторитетным ученым — защитил кандидатскую диссертацию о восточных походах Ивана Грозного, стал видным историографом и культурологом мордовского народа, сыном которого, всю жизнь ему обязанным, Григорий Яковлевич считал себя до последнего дыхания. Он участвовал в подготовке статьи о Мордовской АССР для Большой Советской Энциклопедии, вышедшей вторым изданием в 1964 году. Уже в третьем издании Большой Советской Энциклопедии в Краткой Литературной Энциклопедии говорится о Меркушкине-драматурге. Он являлся членом редакции капитального исследования — «Очерков истории Мордовской АССР», выпущенного Мордовским книжным издательством, в котором его перу принадлежит раздел «Завершение вхождения мордвы в состав Русского государства».

Университет не был для Григория Яковлевича неоткрытым материалом. Он знал коллектив вуза, выступал здесь на собраниях, общался с преподавателями и сотрудниками, дружил с литературоведами И. Д. Ворониным и Н. И. Черашкиным, языковедами В. В. Горбуновым и Н. Ф. Цыгановым, историками С. П. Телиным и И. Ф. Цыгановым и другими. Свой среди своих, новый ректор до минимума сократил время на адаптацию. Обойдя все факультеты, кафедры, лаборатории, обстоятельно переговорив с деканами, заведующими кафедрами, руководителями служб и подразделений, Г. Я. Меркушкин определил плюсы и минусы научно-педагогической деятельности университета. В мыслях постепенно созревала программа модернизации вуза. Она затрагивала все стороны его жизнедеятельности: учеб-

но-методическую, научно-исследовательскую, политico-воспитательную работу.

Активность ректора приятно удивляла профессорско-преподавательский состав. Удивляла и увлекала стремлением к переменам. Часто выступая на собраниях, ректоратах, учёных советах, Григорий Яковлевич искал сторонников качественно новой модели университета и находил их. Повышение успеваемости студентов увязывалось с внедрением проблемного обучения, мировоззренческий уровень и нравственная зрелость молодого человека соотносились не только с оценками в зачетке, но и с участием в третьем трудовом семестре. Эффективность научно-исследовательской работы «стыковалась» с необходимостью создания проблемных лабораторий, заключения хозяйственных договоров с промышленными предприятиями. Будущее университета виделось в развитии его политехнической структуры, что обуславливалось нуждами быстро прогрессирующей социально-экономической сферы республики.

Г. Я. Меркушкин придерживался золотого правила педагогики: учишь других — учишься сам. За чередой нескончаемых управленческих дел он старался не терять преподавательской формы: читал лекции, вел семинары, писал методическую литературу, руководил аспирантами. Ректор не был недоступным для студентов. Особенно он любилходить в студенческие общежития, беседовать с молодежью в непринужденной обстановке. Общение с людьми было же привычкой, а осознанной потребностью. В квартиру по улице Льва Толстого «на огонек» мог заглянуть каждый без предупреждения, чтобы поговорить по душам, попросить совета или помощи. За беседой, чаепитием, игрой в шахматы всегда находились нужные слова, ободрявшие гостя.

Студентов Григорий Яковлевич называл «главным работодателем». К нему он обращался и в доверительных разговорах, и со страниц газеты «Мордовский университет» с четким пака-

зом: «Помните: настоящий советский специалист должен быть высокообразованным человеком, гармонически сочетающим в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство».

Детально зная социально-экономический потенциал республики, едва начавший реализоваться, Г. Я. Меркушкин хорошо понимал, что если не развивать научно-педагогический и материально-технический потенциал университета, то он рискует в скором времени безнадежно отстать от запросов жизни. И ректор с единомышленниками сделал ставку на упреждение проблем, возникающих в схеме «вуз — действительность».

Прогресс университета в 60-е годы был стремительным. Вдвое — от пяти до десяти — увеличилось число факультетов. В Рузаевке открылся филиал университета. Количество кафедр выросло с 34 до 50; студенты, число которых превысило 16 тысяч, обучались по 23 специальностям. Среди 883 преподавателей трудились 15 докторов наук, профессоров, около 200 кандидатов наук, доцентов. Ежегодно увеличивался прием студентов на дневное, вечернее и заочное отделения, а также выпуск специалистов. Пятиэтажное студенческое общежитие на улице Пролетарской приняло новоселов, шло строительство учебного корпуса на улице Большевистской, создан ботанический сад, расширено учебно-опытное хозяйство сельскохозяйственного факультета. По всем параметрам Мордовский университет постепенно переходил в разряд крупнейших вузов Российской Федерации. Много внимания уделялось творческим связям с ведущими вузами страны. Особенно тесные отношения складывались с университетом г. Тарту, чему способствовала и личная дружба академика П. А. Аристэ и Г. Я. Меркушкина.

Самоотверженный труд Г. Я. Меркушкина в сфере высшего образования отнесен наградами Родины. В 1960 году он удостоен медали «За трудовую доблесть», в 1961 — ордена «Знак Почета», в 1965 — почетного

звания «Заслуженный работник народного просвещения Мордовской АССР», в 1967 — ордена Трудового Красного Знамени. Будучи ректором университета, Григорий Яковлевич избирался делегатом XXIII съезда КПСС, депутатом Верховного Совета Мордовской АССР.

Судьба испытывала бывшего фронтовика на прочность, окружив его не только друзьями-единомышленниками, но и завистниками-честолюбцами. В июле 1969 года он, оставив должность ректора, перешел на преподавательскую работу — был заведующим кафедрой истории СССР, старшим преподавателем, исполняющим обязанности доцента. Студенты историки легко попадали в план его большого интеллекта, разносторонней эрудиции, диалектического мышления, позволявшего гармонично соединять прошлое, настоящее и будущее родного Отечества. Студентов покорял высокопробный патриотизм Григория Яковлевича — в этом плане он был максималистом, чуравшимся в то же время узкогонационализма.

Трудно с первого раза определить научную специализацию Г. Я. Меркушкина из-за необычайной широты его интересов. Скорее всего, он был историком-универсалом, призванным стереть множество белых пятен с социальной, экономической, культурной, этнической карты мордовского края. Библиография его публикаций без учета газетно-журнальных статей занимает несколько машинописных страниц. Подготовленные им материалы вошли в учебники и учебные пособия по истории Мордовской АССР, помещены в «Ученых записках» Мордовского университета, в «Очерках истории Мордовской областной организации КПСС» (Саранск, 1967), в учебниках «Мой край, Мордовия» (для 7—8-х классов, Саранск, 1976), «История Мордовской АССР» (для 7—8-х классов, Саранск, 1982), опубликованы в книгах: «Этногенез мордовского народа» (Саранск, 1965), «Светотехническая промышленность, Мордовской АССР» (Саранск, 1965), «Мордва»

(Саранск, 1981). Привычным было его авторство в журнале «Мокша», в газетах «Советская Мордовия», «Мокшень правда», «Эрзянь правда» и другой периодике.

Пик научно-творческой деятельности Г. Я. Меркушкина — издание в 1967 году книги «Развитие науки в Мордовии». Это динамико-диалектическая летопись научной мысли, которая зарождалась в исследовательских институтах, заводских лабораториях, Мордовской сельскохозяйственной опытной станции, вузах республики. Поражает многофункциональность монографии: автор отразил и обобщил научные изыскания в области истории, археологии, литературоведения, фольклора, этнографии, языкоznания, математики, физики, биологии, химии, техники. Созвездил он прорыв в в малопроявленную область — историю содружества русского и мордовского народов с древнейших времен до наших дней.

Книга эта не разошлась, а разлетелась. Отзывы на нее появились не только в нашей республике, но и за ее пределами — в Пензе, Ульяновске, Тарту и даже в Финляндии. Высоко оценил монографию всемирно известный ученый М. М. Бахтин: «Как специалист-литературовед обращаю внимание на удачный раздел книги — «Литературоведение» (стр. 207 — 222). Раздел «Литературоведение» написан на уровне требований современной науки, с привлечением большого фактического материала. Раздел радует новизной и оригинальностью...»

Основа книги со временем переросла в докторскую диссертацию «История развития культуры и науки Мордовской АССР». Диссертация прошла обсуждение на ученых советах Мордовского и Тартуского университетов, которые после горячих дискуссий рекомендовали ее к защите, отметив безусловную ценность и полезность научного материала, по-новому трактуемого диалектику региональной культуры и науки. Но защита диссертации на историческом факультете Ленинградского университета не состоялась: от

Членов учёного совета, ранее не встречавшихся с подобными работами, поступила масса замечаний — и объективных, и субъективных. С ними можно было спорить или соглашаться, но факт остается фактом: те, кто бросал шары, заняли жесткую позицию.

Легко представить, состояние Григория Яковлевича в тот нелёгкий момент жизни, но, считая работу лучшим лекарством от всех невзгод, он скрупулезно подошел к сделанным замечаниям и внес существенную правку в текст диссертации. Положительные отзывы на нее дали 10 организаций, 17 докторов наук, профессоров, 10 кандидатов наук, доцентов.

15 марта 1973 года в Ленинградском университете состоялась защита докторской диссертации. Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук И. З. Захаров, доктор исторических наук Д. М. Грининин, доктор филологических наук В. В. Горбунов. Ученый совет постановил ходатайствовать перед Высшей аттестационной комиссией об утверждении Г. Я. Меркушкина в ученой степени доктора исторических наук. За это решение проголосовали 14 членов совета, против — 3, два бюллетеня оказались недействительными. Но по причинам до сих пор халопонятным решением совета ВАКом не было утверждено: видимо, сработала тогдашняя боязнь поднимавшей голову «провинциальной» науки, недвусмысленно предсказывавшей скорый рост национального самосознания.

Это был очредной удар судьбы, но Григорий Яковлевич не сломался: по-прежнему он был добр, приветлив, общителен, много работал и мало отдыхал. Его творческой страстью была и оставалась драматургия. Он написал и опубликовал восемь пьес на мордовском и русском языках, из них самые известные — «Народть лемса» («Во имя народа»), «Шинь стяма» («На рассвете»), получившие высокую оценку литератороведов М. М. Бахтина и Л. Г. Васильева, «Голубое сияние», «Звезда поэта», «Дорогой жизни», «Огненные дороги». Поставленные на

сценах театров, они несли живое дыхание жизни, оживо-жданной «оттелью» от сковывающих пут и давней простоя человеческой душе. Это было новое явление в национальном театре Мордовии. Г. Я. Меркушкин не только обогатил мордовскую драматургию, расширил круг ее тем, но и глубоко раскрыл душу своего народа, ибо писал он о том, что чувствовал, чему сам был свидетелем. Газета «Правда» 8 октября 1968 года в заметке «Спектакли для молодежи» писала: «Мордовский республиканский музыкально-драматический театр открыл сезон пьесой местного драматурга Григория Меркушкина «Голубое сияние». Спектакль рассказывает о жизни студенческой молодежи, о ее смелых дерзаниях в науке, о выборе путей в жизни. Премьеру тепло приявили зрители». А в конце октября Мордовский обком ВЛКСМ за создание спектакля «Голубое сияние» присудил драматургу Г. Я. Меркушкину и режиссеру В. В. Долгову Премию комсомола республики. Недописанными, к сожалению, остались четыре пьесы, среди них «Генерал Пуркаев», «Этих лет не смолкнет слава», задуманные автором на последнем отрезке жизни, которой на реализацию этого замысла не хватило.

Григорий Яковлевич был сыном своего народа и трепетно относился к его истории и культуре. Неслучайно он вместе с фольклористом А. Д. Шулляевым решил на трудное, но благородное дело — посоздание мордовского народного эпоса. В 1970 году на рассмотрение специалистов был представлен первый систематизированный вариант народного эпоса. Для его создания потребовались большая изыскательская работа в десятках фольклорных экспедиций, а также кропотливый труд в различных архивах. Учитывая сложность и большой объем накопленного материала, его разноплановость, Г. Я. Меркушкин и А. Д. Шулляев для работы над эпосом включили позднее в авторский коллектив доктора филологических наук В. В. Горбунова и кандидата филологи-

ческих наук А. М. Шаронова. В 1978 году постановлением ученого совета НИИЯЛИЭ воссозданный мордовский народный эпос «Масторава» был рекомендован к изданию на русском, мокшанском и эрзянском языках (в трех отдельных книгах). В апреле 1978 года газета «Молодой ленинец» предложила читателям большой отрывок из первой песни «Мастор Чачома» («Рождение земли») в переводе с мордовского на русский поэта В. Ю. Юшкина.

К сожалению, этот уникальный материал, собравший в себя богатейшее культурное наследие мордвы, накопленное за многовековую историю, рекомендованный к изданию виднейшими учеными-фольклористами, ведущими научными учреждениями страны, до сих пор полностью не издан. И невольно вспоминаются слова члена Союза писателей СССР, поэта В. Ю. Юшкина: «Все, что сведено в этот многолетний труд, создано народом за века. В подлинностиисколько не сомневаюсь — знаком с работой давно... Гениальное не подделывается.

Его можно и пересоставить (из-за чего, я понимаю, и спор). И это будут делать следующие поколения. Подоб-

ное случалось... Но суть-то остается сутью. И будет крайне обидно, если работа ряда людей на протяжении десятилетий попадет под сужно. Все равно ведь когда-нибудь издастут. Уверен. Две запятых кто-то поменяет местами и изменит. К чему же на ряд лет оттягивать знакомство масс народа со своим достоянием и, значит, тормозить развитие его культуры? Он был прав. Работа под сужном (запятые меняют?).

Мордовский народный эпос — подлинно народное творчество, это правдивое освещение исторических судеб народа, это его мировоззрение, и сейчас сокращение культурного наследия народов России актуально как никогда. Издание сводного эпоса означает возвращение народу его духовного богатства.

Григорию Яковлевичу Меркушкину не пришлось увидеть плоды многих своих трудов. Все чаще болело сердце, давали о себе знать фронтовые раны. 13 января 1979 года, на 62-м году жизни, его не стало. Он рано ушел из жизни, но оставил богатое научно-литературное наследство, еще не полностью опубликованное и изученное, и любую память о себе, память в пароде, которому служил до последней минуты...

Л. Г. МЕРКУШКИНА, член Союза журналистов,
В. Н. КУКЛИН, кандидат исторических наук

Цена 3 р.
ИНДЕКС 73933

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

17 октября 1990 года ученый совет ордена «Знак Почета» Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Мордовской ССР принял решение о проведении республиканской научно-практической языковой конференции, получившее поддержку со стороны Мордовского государственного университета, Мордовского государственного педагогического института, писателей, журналистов, учителей.

Подобные конференции уже проводились в 1933, 1934, 1935, 1938, 1952 годах и сыграли важную роль в создании и практической реализации орфографических норм мордовского письма, выработке терминологии, нормативной грамматики. Однако до настоящего времени нормы мокшанского и эрзянского языков не доработаны. До сих пор не созданы орфоэпические и терминологические словари, не разграничены сложные слова и составные имена и т. д.

Очередная конференция откроется в ноябре 1993 года. Создана комиссия по ее подготовке и проведению. Будут работать подкомиссии: орфографическая, орфоэпическая, терминологическая. Готовятся словари сложных и парных слов, составных имен, разрабатываются основные правила мордовского правописания и пунктуации.

Все предложения и пожелания по подготовке и проведению языковой конференции направлять по адресу: 430000, Саранск, ул. Петровская, 37. НИИЯЛИЭ при Правительстве МССР, сектор мордовского языкознания.